

Михаил Ахманов

Клим Драконоборец и Зона Смерти

Что с неба упало, то и напало!

Михаил Сергеевич Ахманов
Клим Драконоборец и Зона Смерти
Серия «Клим Первый», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9523707

Клим Драконоборец и Зона Смерти: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-1952-4

Аннотация

В далекой южной стране Иундее случилось страшное бедствие: с неба упала звезда, породившая Зону Смерти... Король Хай Бории Клим Драконоборец и его боевая команда – придворный шут, джинн Бахлул и кот-баюн – немедленно отправляются в поход. Им предстоит пересечь горы, степи, лесные дебри, а на обратном пути опасные моря, и по дороге им встретятся разбойники, русалки, ведьмы, сирены и другие удивительные существа. Борьба с тварями из Зоны Смерти потребует от Клим отваги и хитроумия, но он одержит победу и получит награду от правителя Иундеи – загадочного многоликого пресвитера Иоанна.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Ахманов

Клим Драконоборец и Зона Смерти

Предисловие автора

Как сообщалось в первой части моего повествования, историю Климa Андреевича Скуратова, бывшего майора спецназа, мне рассказал полковник Рукавишников, некогда его сослуживец. Произошло это в июне 2043 года, и полковник, в доказательство своих слов, познакомил меня кое с какими раритетами: мечом странной формы с рунической надписью по лезвию, поясом из чеканных серебряных пластин и золотым нагрудным знаком – вероятно, орденом – в виде дракона с распростертыми крыльями. Как он утверждал, то были награды за операцию у Южных Болот, которых Рукавишников удостоился в битве с орками. Кроме того, он высыпал на стол кучку больших монет из серебра и золота, прежде никогда мною не виданных; на одной стороне – тот же дракон, а на другой – корона в венке из дубовых листьев.

Рассказы полковника послужили основой для моего романа «Клим Первый, Драконоборец», который я закончил в октябре 2043. Мне казалось, что тема исчерпана, так как никаких новых сведений из магической реальности, в которой живет и царствует Клим Скуратов, я, разумеется, получить не мог. Не ходят туда поезда, не летают воздушные лайнеры, и все виды современной связи бесполезны – нет там ни Интернета, ни телефонных книг. Правда, в одной турфирме, когда я назвал Хай Борию, обещали отправить меня в эту страну и даже поселить в пятизвездочном отеле со статусом «все включено». Но не успел я внести аванс, как турфирма лопнула, а ее владелец скрылся – возможно, сам сбежал в Хай Борию.

Как вскоре выяснилось, я был не прав насчет отсутствия связи с запредельными мирами. В ноябре сего года мне доставили увесистую бандероль в странной, похожей на пергамент упаковке и без обратного адреса. Но мой адрес там был, и на почте утверждали, что бандероль уже месяц как ждет меня – затерялась случайно среди других почтовых отправок. С трудом разрезав прочный пергамент, я обнаружил рукопись, стопку грубой желтоватой бумаги с гербом хайборийского королевства на первом листе. Я был изумлен! Как эта посылка оказалась на почте?.. Это во-первых, а во-вторых, в средневековой Хай Бории не делали бумагу. Имелся и третий повод для удивления: текст был не написан, а напечатан на русском языке – правда, очень крупными литерами и с множеством ошибок.

Рукопись была озаглавлена так: «Хроника Майны Хабатиса «Иундея, или Путешествие Туда и Обратно», изданная в стольном граде Хайборийском в годы правления короля Маркклима Первого, победителя орков, гоблинов, драконов и тварей иундейской пустоши». Разумеется, Майна Хабатис – псевдоним, означающий на языке Хай Бории «И вам того же», а подлинное имя автора вы узнаете в одной из глав этой книги. Однако остается вопрос: кто перевел эту историю на русский? Сделал ли это сам король или кто-то из его приближенных, изучивший наш язык? Или переводчик – хайборийский принц, сын Климa Андреевича, который упоминается в «Хронике»? Правда, в описываемое время принц еще младенец, но он вполне мог вырасти, так что моя гипотеза имеет право на существование. Напомню, что Клим Скуратов попал в Хай Борию примерно в первое десятилетие XXI века, а сведения о нем я получил уже в наши дни, в 2043–2044 годах. Прошло тридцать или более лет, и принц уже взрослый мужчина, которого Скуратов-старший несомненно обучил русскому языку.

Прочитав эти заметки о странствии короля Климa Драконоборца в далекую страну, я решил продолжить повесть о нем и теперь представляю на суд читателей второй роман. Как честный человек сообщаю, что у меня есть соавторы, чьи имена не указаны на обложке

книги: Майна Хабатис и неведомый мне переводчик, то ли сам король, то ли его сын или кто-то еще, пребывающий в данный момент в Хай Бории. Замечу, что в конце книги упомянуты также другие странствия и приключения короля Клим, его путешествие в Астлан, конфликт с венецианцами, карательная экспедиция на Большие Черепашьи острова и тому подобное. Возможно, когда-нибудь я узнаю подробнее об этих событиях и смогу описать их в новом романе.

Петербург

Ноябрь – декабрь 2044

Глава 1

Рыцари круглого стола

*Начну рассказ про рыцаря Данилу,
Которого девица опоила
Волшебным зельем, сваренным из меда
И полным чар эльфийского народа.
Тот сладкий яд туманит разум мужа
И повергает его чувства в стужу,
Лишая радостей любви.*

Поэма, а затем трагедийная пьеса Гортензия де Мема под названием «Эльфийка, или Несчастливая любовь рыцаря Данилы». Приписка короля на полях рукописи: «На театре в миг поднятия занавеса пусть вострубят в трубы и ударят в барабаны»

Его величество Клим Первый, король Хай Бории и сопредельных земель, победитель орков, гоблинов и драконов, сидел в своем кабинете и читал газету. Собственно, в этом магическом мире его называли по-другому – владыка Маркклим андр Шкур, соединяя в краткой форме прежнюю его должность и имя: майор спецназа Клим Андреевич Скуратов. Волею судеб он перенесся из земной реальности в хайборийскую и правил королевством уже более года, свершив за этот срок многие славные подвиги. Главным, конечно, была виктория над воинством орков и гоблинов, часто вторгавшихся в Хай Борию с юга, со стороны Великого Болота, и пожиривших на своем пути птицу, скот, людей и прочее, что относилось, по их мнению, к съестному. Клим покончил с ними в кровопролитной битве, которую местные поэты, еще не очень многочисленные, но жадные до королевских милостей, уже увековечили в балладах и былинах.

Но победа над южными дикарями-людоедами была не единственным славным деянием короля. Он привел к покорности гномов с Северных гор и соседнее княжество Нехай Борию, он заключил союз с эльфами и киммерийцами, он уничтожил злобного дракона, завладев сокровищами, что хранились в его логове, и, наконец, он справился с нечистой силой, претендовавшей на бессмертную королевскую душу. Кроме того, он женился, выбрав в супруги юную прелестную девицу. Случилось это не без проблем, так как на его руку и трон претендовали эльфийская принцесса и нехайская княжна. Обе красавицы, но эльфийка напустила сомнительных чар, а княжна, барышня на редкость склочная, тоже была замечена в интригах. По зрелом размышлении Клим выбрал юную баронессу Омриваль бен Тегрет и не ошибся – в колыбели в их опочивальне уже пускал пузыри трехмесячный младенец, будущий Маркклим Второй.

Итак, он сидел в кабинете, читал «Столичный вестник» и временами посматривал в окно. Была осень, теплая, щедрая, изобильная; за городской стеной золотились поля, в садах собирали сливы и яблоки, ветер пропах ароматами фруктов, хмеля и молодого вина. На окраинах, над слободками кузнецов, гончаров и стеклодувов, курились дымки, слышался скрип телег, ржание лошадей и гомон толпы на Рыночной площади. Торговля процветала; в город тянулись подводы с сеном, зерном и бочками пива, гнали лошадей и скот, по Южному тракту везли соль в огромных телегах, запряженных могучими битюгами. Этим благостным событиям посвящалась передовица «В битве за урожай», которую Клим читал с превеликим удовольствием. Полгода назад он изобрел бумагу и книгопечатание, а дальше прогресс ринулся стремительным путем, – кроме солидного «Вестника» народилось в столице еще

несколько газет, весьма напоминавших желтую прессу. Одни занимались криминалом, другие собирали сплетни королевского двора, толкуя так и этак об амурных приключениях кавалеров и дам, их туалетах, прическах и украшениях. Более того, издатели додумались до гравюрной техники, дополнив ею печать, и теперь можно было наткнуться на рисунок с какой-нибудь пышечкой-фрейлиной в negligé. Что-то с этим надо было делать, но что, Клим пока не решил. Впрочем, радикальные способы имелись – порка и ссылка в рудники.

Закончив с передовицей, он пробежал глазами бюллетень о здоровье королевы и юного наследника, заметку о предстоящих балах и пару басен, автором которых был Црым, королевский шут. Далее шло интервью с сиром Астрофелем, министром двора и советником Левой Руки. Местный шелкопер наседа на Астрофеля, пытаясь выяснить, будут ли рыцарские ристания в ближайшем месяце или их отложат до праздника урожая. Астрофель, муж многоопытный, отвечал уклончиво – дескать, мероприятие вроде бы в плане, но еще не согласовано с военным министром сиром Ротгаром и капитаном стражи сиром Карвасом Лютым. К такой неясности имелась веская причина – последнее слово было за королем, а Клим считал турниры варварским обычаем. Ему хотелось заменить их олимпиадами или, на худой конец, соревнованием стрелков и пятиборьем.

Целая страница «Вестника» пришлась на опус барона Джакуса бен Тегрет, брата юной королевы, крупного виноторговца и помещика. Он становился видной политической фигурой в Хай Бории – не потому, что был королевским шурином и удачливым негоциантом, а по причине здравого разума, дипломатического такта и любви к изящной словесности. Учреждая «Столичный вестник», Клим без колебаний назначил его главным редактором, и теперь в каждом номере встречались сонеты весьма приличного качества, подписанные псевдонимом Джа Виршеплет. Но в этом «Вестнике» были не любовные стихи, а большая статья, трактующая национальную идею Хай Бории. На сей счет шурина надоумил Клим, помнивший, с какими муками искали эту идею в России, – искали, да так и не нашли. А что за страна, что за вождь и нация без идеи?.. Словно впотьмах бредут они в грядущее, не представляя, кто друзья, кто недруги, к чему стремиться и как избежать случившихся в прошлом ошибок. Опасный путь! Так что Клим постарался, чтобы королевство обрело идею, и не какую-то слишком заумную, а понятную для знати и народа.

Экспансия и расширение границ! Новые земли и выход к морям! Джакус, человек миролюбивый, писал об этом осторожно, поминая южные степи, что подвергались набегам орков, Огнедышащий хребет на востоке, отделявший Хай Борию от Эльфийских Лесов, и берег Дикого моря на западе, населенный разбойными таврами, но редко – три избы в деревне, а вокруг чащоба с волками-оборотнями. Читая, Клим одобрительно кивал и размышлял о том, что эльфов придется потеснить, орков извести под корень, а прибрежных тавров приобщить к цивилизации – бороды обстричь, шкуры сменить на кафтаны и приставить к сохе. А волколакам и прочей нечисти, если возникнут, будет подарок, болт с серебряным наконечником. Стараниями гномов серебра и золота в его державе хватало с избытком.

Подчеркнув абзац о Диком море, Клим написал на полях: «Отсель грозить мы будем шведам» и поставил жирный восклицательный знак. Затем потянулся к «Интриге», публиковавшей новости двора. На сей раз ничего скандального здесь не нашлось, если не считать заметки о луковом соусе, пролитом за корсаж маркизы Санты андр Паго. С маркизой случилась истерика, платье заменили, виновного лакея на ночь упрятали в холодную. Еще «Интрига» сообщала о заседании Королевской ассамблеи изящных искусств, которое почтит присутствием его величество. Вспомнив об этом, Клим встряхнул колокольчик и, когда явились камердинеры Бака и Дога, велел приготовить после обеда малый выезд: белый конь, синий камзол, без короны, но при орденах, плюс два герольда со знаменами.

Ассамблея искусств была учреждена в те же дни, что и первая книгопечатня. Такое за последние месяцы случалось не раз, и всякие заведения под грифом «королевский» росли

в столице как грибы: Королевский театр, Королевский музей, Королевская почтовая служба, Королевское географическое бюро. Клим лелеял мечту об Академии наук, но кадров для нее не хватало: два ученых мага на всю столицу, его советник Дитбольд и алхимик магистр Унен. Даже если добавить джинна Бахлула, склонного к наукам и чародейству, с академией все равно не вытанцовывалось. Следовать примеру Петра Великого и импортировать зарубежных ученых мужей Клим не собирался – тем более что в землях франков, свевов, венецианцев было легче легкого нарваться на мошенника. Поразмыслив, он учредил вместо академии Королевскую Тайную канцелярию, отдав ее под начало графу Ардалиону, до того возглавлявшему герольдов и глашатаев. Собственно, из них и состояла канцелярия, из шустрых глазастых парней с хорошим слухом.

Клим бросил тощую «Интригу» из двух листков на более пухлый «Вестник». Третья газета, «Петля и плаха», посвящалась криминальным происшествиям, пыткам, казням и тому подобному. Ее издавал Туйтак, подручный мастера Закеши, городского палача. Выглядел этот печатный орган очень солидно: высшего качества бумага, крупный шрифт, заголовки в алых рамочках и впечатляющие иллюстрации. Богатая газета! Выпускалась она хитрым способом, на средства самих осужденных. Высшую меру Клим не отменил, но головы рубили только душегубам и отъявленным злодеям. Прочих, за отсутствием тюрем, карали быстро и прилюдно, для чего имелись плети, батоги, колодки и позорный столб. Откупного за вину не брали, но дозволялось жертвовать на газету серебряный «дракон»¹, и таких били не очень усердно, с бережением. Шкура всякому дорога, так что касса «Петли и плахи» никогда не пустовала.

Клим просмотрел хронику «У топора» с анонсом наказаний на десять дней вперед, затем углубился в репортаж о банде Соловья-разбойника, лютовавшей вблизи Огнедышащих гор. Злодеи были лихие и неуловимые; наверняка не обошлось без волшебства, хотя советник Дитбольд в этом сомневался. Впрочем, путь до гор лежал неблизкий, и на таком большом расстоянии даже королевский чародей не мог определенно выяснить, был ли разбойник колдуном или просто ловким проходимцем. Дочитав статью, Клим обмакнул в чернильницу гусиное перо и начертал на полях резолюцию: «Графу Ардалиону. Принять срочные меры».

Джинн Бахлул ибн Хурдак, дремавший рядом с чернильницей, проснулся, сел, скрепив по-восточному ноги, зевнул и произнес:

– О господин земли и неба! Не пора ли нам заглянуть к твоей царственной супруге, полюбоваться на львенка-наследника, а потом отдать дань искусству твоих поваров?

Джинна Клим отыскал в тайном дворцовом хранилище, дверь которого была зачарована и открывалась лишь по королевской воле. Бахлула заточили в бутылку еще во времена Сулеймана ибн Дауда, хотя непонятно, за какую вину, – преступных умыслов он не питал и к Сулейману относился с большим почтением. Роста в нем было сантиметров пять, волшебства – с наперсток, но разумом он мог потягаться с любым мудрецом, а отвагой – с храбрейшим из рыцарей. Его содействие в борьбе с драконами и вообще с нечистой силой очень помогало королю.

– Моя царственная супруга пока что занята, – сообщил Клим, покосившись на часы. Половина песка в них еще оставалась в верхнем конусе. – У нее важное дело, а я еще не дочитал сегодняшнюю прессу.

– Пресса... – с задумчивым видом повторил джинн. – Сколь великое и удивительное изобретение! Прежде новости текли с базара из уст в уши и снова в уста, а тут все на листках бумаги. Но боюсь, мой повелитель, есть изъян в этом способе, причем немалый.

¹ **Серебряные и золотые «драконы»** – хайборийские монеты весом 40 граммов. Также используются хайборийский фунт (около трехсот граммов) и эльфийский слиток (10 фунтов или около 3 кг).

– Какой же? – спросил Клим.

– Уста, что молвят ложь, можно запечатать кулаком, а то и язык отрезать, – пояснил крохотный джинн. – Опять же вырвать ноздри лжецу или оставить его без ушей. А марающий бумагу в безопасности, ибо здесь его нет, и его лица мы не видим. Как же его достигнет твоя карающая рука, о солнце вселенной?

Клим усмехнулся:

– Достигнет, не сомневайся. Все шелкоперы в особый список внесены, а список тот хранится в Тайной канцелярии. Пресса, друг мой, точно джинн: выпустил из бутылки – наложи заклятие, да покрепче. В этом граф Ардалион умелый мастер.

Он раскрыл газету «Хайборийский патриот» и строго нахмурился, обнаружив на второй странице поносные вирши про князя Нехайского, а над ними – карикатуру, изображавшую князя Шмера в виде гоблина с отвисшей губой и клыкастой пастью. К этому васалу королевства Клим теплых чувств не питал. Отличался князь коварством и жадностью, а к Хай Бории он прислонился, страшась набегов южных варваров. Но так или иначе, он был владетельным сеньором и союзником, а потому не стоило его позорить в прессе и портить отношения. Тем более что торговля Хай Бории с Западом шла через Нехайку.

Клим черкнул на полях: «Графу Ардалиону. Такие выпады недопустимы. Сделать издателю внушение. Двух патриотов, стихотворца и живописца, отыскать. Если подходят по возрасту, зачислить в пограничную стражу и выслать из столицы в Северные горы, к гномам».

Последние песчинки бесшумно пересыпались из верхнего конуса в нижний. Клим встал, оправил легкий шелковый колет, в который облачался по утрам, и сложил газеты аккуратной стопкой. Теперь, вместе с пометками короля, они отправятся в Тайную канцелярию, для изучения и исполнения. Крохотный джинн окончательно проснулся и вспорхнул к нему на плечо. Бахлул ибн Хурдак умел творить мелкое волшебство, летать на небольшое расстояние, пускать искры и зажигать свечи щелчком пальцев. Для джинна его размеров это было изрядным достижением.

Вместе они вышли из кабинета. Стражи у дверей отдали салют, но бесшумно – лишь приподняли алебарды, но древками в пол не стукнули. С недавних пор тишина в королевских покоях считалась священной.

Приоткрыв дверь, Клим заглянул в опочивальню. Его супруга сидела в уютном кресле – взгляд опущен, чуть подрагивают длинные ресницы, волосы расплескались по нагим плечам. На руках Омриваль спал, посапывая, юный принц, будущий король Хай Бории. Дана и Мана, две молодые фрейлины, разворачивали пеленки, третья, маркиза Пайла диц Марем, хлопотала у детской кровати из бахбукового дерева. Над ней висело огромное полотно в золоченой раме, творение маэстро Бокаччо, художника-венецийца: владыка Хай Бории поражает дракона волшебным мечом. Так виделось художнику, хотя на самом деле Клим прикончил чудовище секирой.

Не дыша, он смотрел на сына, жену и суетившихся вокруг них фрейлин. Должно быть, Омриваль ощутила его взгляд: поднялась, протянула спящего ребенка девушкам, застегнула корсаж, отбросила со лба прядь волос цвета светлого меда. Потом улыбнулась мужу и промолвила:

– Я готова, мой господин. Сегодня я велела подать яйца, телячьи колбаски и блины с вареньем, а к ним тот горький напиток, что привозит из Венеции Варасхий Мореход. Кажется, кофий?

Молча кивнув, Клим предложил ей руку.

Первый завтрак был накрыт на четверых, считая Бахлула и скомороха Црыма. Джинну хватало четверти яичного желтка и наперстка с кофе, зато шут знай наворачивал за себя, за Бахлула и за королеву, которая по утрам ела немного, колбаску да блин. Но заслуги Црыма

были таковы, что он считался членом королевского семейства, имевшим особую привилегию не отходить от стола, пока не очищены все тарелки и подносы. Второй завтрак был официальным, с присутствием министров и докладом сира Ротгара о возведении крепостей на южной границе. После обеда и совещания с магом Дитбольдом Клим решил, что с государственными делами покончено и можно отправляться на ассамблею.

Во дворе его ждали конюхи, белый красавец-жеребец под седлом из кожи полярного козла и маленькая свита – два герольда на конях и Црым на ослике. Склонность шута к изящным искусствам казалась Климу удивительной, ибо Црым был гномом, а заподозрить этот народец в тяге к прекрасному он никак не мог. Гномы, конечно, сочиняли сказки, но лишь тогда, когда это касалось пошлин и налогов в королевскую казну. В прочих случаях гномы с Северных гор, добывавшие металл и драгоценные камни, являлись реалистами, а еще проходимцами и выжигами. Книг они не читали и не писали, и доверять им ключ от квартиры, где деньги лежат, явно не стоило. Црым, однако, был особенным гномом, изгнанным соплеменниками за длинный язык и неспособность к горному промыслу. Зато в шутовском ремесле талант его раскрылся, как цветок под майским солнышком. Он мог достать из уха воробья, мог кувыряться, ходить колесом и съесть три дюжины сосисок, а теперь еще и подвизался в роли баснописца. Клим его поощрял – дедушки Крылова в королевстве явно не хватало.

Выехав из врат замка, четверо всадников легкой рысью направились к городской площади. Клим посещал ее каждые пять дней; садился на ступеньки храма Благого Господа и возлагал ладонь на головы увечных и недужных. Королевский дар исцеления был, вероятно, самой удивительной способностью, обретенной им в Хай Бории. Перед ней меркли другие чудеса: общение с призраками и вампирами, огонь, который он мог выдыхать с помощью зелья силы, и странствия по городам и весям в семимильных сапогах. Дар исцеления все это перевешивал, доказывая, что Марклим андр Шкур – истинный король и божий избранник.

Площадь была полна народа. Перед белым жеребцом почтительно расступались, приветствуя короля криками: «Вира лахерис!» – и кланяясь в пояс. «Майна хабатис»², – отвечал Клим, милостиво кивая. Шут за его спиной корчил рожи и звенел бубенцами, герольды вздымали королевские стяги с золотым драконом на пурпурном поле.

За последние месяцы площадь изменилась. Храм Благого Господа, ратуша напротив него, кабак «У отрубленной головы» и лавки богатых купцов остались на месте, но эшафот убрали, соорудив в центре площади фонтан с тритонами и наядами. Теперь мастер Закеша трудился у моста над рекой Помойня, охаживал там плетью мошенников и рубил головы злодеям. Недоброй памяти башню, где держали провинившихся, снесли, выстроив вместо нее здание Королевской библиотеки, небольшой дворец о трех этажах в стиле классицизма. К нему Клим и направился.

Книги в этом мире были редкостью, и потому у здания стояла стража – правда, не гвардейцы, а из городских блюстителей порядка. Под библиотеку, включавшую сотни три фолиантов, пока что рукописных, отвели третий этаж, и здесь же сидели писцы и главный библиотечный хранитель сир Мараска бен Турута. На втором размещались книгопечатня, редакция «Столичного вестника» и скромный музей с пятью десятками картин, кое-какими статуями и диковинами из зарубежных земель. Здесь также были собраны сокровища из логова дракона, уцелевшие от огня старинные кубки и чаши, древние монеты, панцири, щиты и другое оружие. Над входом в музей были прибиты огромная драконья голова, две страшные когтистые лапы и секира, которой Клим прикончил чудище. Сир Мараска водил сюда ребятишек, приобщая молодое поколение к искусству и истории родного края.

² Традиционные хайборийские приветствия: **вира лахерис** – живи вечно, **майна хабатис** – и вам того же.

Для заседаний ассамблеи предназначался уютный зал на первом этаже. Тут стояли кресла за круглым столом – для господ литераторов, кресло с высокой спинкой – для короля, а у стены – лавка для досужей публики. Когда Клим переступил порог, члены ассамблеи поднялись, отвесили поклоны и дружно выкрикнули:

– Вира лахерис, твое величество!

– Майна хабатис, господа, – ответил Клим и опустился в кресло. Шут стащил колпак с бубенчиками, сделал умное лицо и пристроился справа.

Слева от Клима сидел синеглазый красавец Джакус бен Тегрет, братец Омриваль и редактор «Вестника». За ним – два барда, перебравшихся поближе к королевскому двору и очагам культуры, Дрю из Халуги и Опанас из Дурбента. Дальше – Туйтак, издатель «Петли и плахи», и торговец снами Гортензий де Мем. Все молодые, пригожие, цвет столичной интеллигенции. Глядя на них, Клим ощущал себя королем Артуром в компании рыцарей Круглого стола. Впечатление портил только шут с его кривым носом и ртом до ушей.

На лавке в углу жался Каврай из Вайдан-Бугра, лютнист и певец, уличенный некогда в халтуре при исполнении древних баллад. Выступать ему Клим не запретил, но, согласно судебному вердикту, публике разрешалось приветствовать его тухлыми яйцами и гнилыми помидорами. После пары таких экзекуций Каврай, похоже, поумнел, а наглости у него поубавилось. Пусть слушает, решил Клим, кивнув Гортензию де Мему.

Тот поднялся, развернул свиток, принял вдохновенный вид и провозгласил:

– «Эльфийка, или Несчастливая любовь рыцаря Данилы». Поэма в четырех песнях, повествующая об истинных событиях, случившихся некогда с графом Ардалионом. – Тут Гортензий выдержал паузу, откашлялся и добавил: – Сотворено мною с разрешения графа и при его содействии.

Сам граф Ардалион отсутствовал, – должно быть, чтобы не смущать поэта. История же его несчастий, известная Климу, была такова. В юности, охотясь за Огнедышащим хребтом в Великих Эльфийских Лесах, встретил он девицу красоты неопишуемой. Возможно, было той девице лет двести или триста – эльфы долго живут, – но юный рыцарь годы ее не считал, а прилегал с нею на мягкие мхи и предался страсти. Все бы ничего, но поднесла ему барышня эльфийский мед, и он по глупости выпил это зелье. А пригубивший такого меда навек теряет интерес к девицам и дамам, кроме своей эльфийской возлюбленной – той, что взяла его на короткий поводок. Так что ходил Ардалион в холостяках тридцать лет и три года, и хоть в пятьдесят он был все еще красив и статен, а к тому же родовит и богат, ни жены, ни детей завести не сумел. Даже Дитбольд, королевский маг, не мог избавить его от эльфийского чародейства.

Вскинув взгляд к потолку и глубоко вздохнув, Гортензий принялся читать первую песнь. Его занятие – торговля снами – располагало к романтике и мечтательности; декламировал он с выражением, приподнимая брови и раздувая ноздри в тех местах, где говорилось об алых губках, розовых ланитах, очах небесной синевы и прочих прелестях эльфийки. Описав соитие рыцаря с девицей (в выражениях иносказательных и нежных), Мем закончил песнь описанием кубка меда, поднесенного коварной соблазнительницей.

Клим слушал внимательно. Он был отнюдь не чужд искусству, так как в юные годы окончил театральный институт с дипломом критика-театроведа. Мнилась ему жизнь в блистающем мире шоу-бизнеса, кинофестивалей, театральных премьер, фуршетов и вечеринок; а еще он питал надежды – чем черт не шутит! – на собственную программу на каком-нибудь телеканале. Мечты, честолюбивые мечты! Реальность оказалась жестокой – ни приглашений на премьеры, ни заказных рецензий, ни режиссеров и актеров, жаждущих его внимания. С горечью в сердце Клим убедился, что путь критика вымощен безденежьем, низкопоклонством, а иногда и бесчестьем. Но он был молод, крепок и способен к переменам: отрунул былые надежды, избрал военную стезю и дослужился до майора. Оно и понятно – держава

нуждалась не в критиках, а в офицерах. Чем больше страна, тем больше у нее врагов, а Россия столь огромна, что поводов повоевать имелось множество. Клим сражался с честью, сначала в десантных войсках, потом командуя подразделением спецназа. Должность невысокая, но, так или иначе, он не бедствовал – правда, о прежней своей профессии вспоминал с тоской.

Но все это осталось в прошлом, а в настоящем он был королем. Выгоды очевидны, думал Клим, теперь он критик, меценат, военачальник, и все в одном стакане. А прошлое... Что о нем вспоминать! Ворона и орел летают в разных небесах.

В песнях второй и третьей говорилось о терзаниях Данилы, о редких встречах в Эльфийских Лесах, о сладости запретных поцелуев и попытках родичей сосватать бедняге то графиню Цацу бен Шакузи, то маркизу Гайне диц Харем, которых рыцарь неизменно отвергал. Четвертая песнь и вся поэма кончалась трагически: красавица забыла рыцаря, и он, не выдержав сердечных мук, бросился с крепостной стены.

Гортензий смолк.

– Высказывайтесь, сирь-сочинители, – предложил Клим, брякнув орденами. – Критикуйте, но в дозволенных пределах, без хамства и грубости, а также без рукоприкладства. Тебе говорю, Туйтак! – Он повысил голос. – Здесь не эшафот, а место для культурного общения.

– Что я... – смешался помощник мастера Закеши. – Прости, твое величество! Прошлый раз бес попутал!

– Крепко попутал, – сказал Опанас, потирая скулу.

Воцарилась тишина. Наконец Црым покосился на короля и молвил:

– Хм... м-да... Тема не раскрыта. Ты, Гортензий, наворотил руды вагонетку, а золота в ней на один «дракон». Перца мало! Все про губки да ланиты... А если ниже заглянуть? Ниже-то будет поинтереснее!

– Стих жидковат, и рифма хромает, – добавил Опанас Дурбентский. – Вот, во второй песне, любовь – морковь... совсем неблагородный овощ. Здесь иная рифмовка нужна, поэнергичнее. Скажем, так: любовь – вскипела кровь, или любовь – полумесяцем бровь!

– Истинно глаголешь, жидковато и для печати негоже, – согласился Дрю из Халуги. – А еще слишком затянута – целых две песни о страданиях и муках. По мне, так хватит одной.

– Прямо скажем, не Барак Абаламский и даже не Криль Песнопевец, – осторожно произнес Туйтак, помощник палача. – Батальных сцен вовсе нет, а ведь Данила твой – рыцарь. Отчего бы ему не схватиться с каким-нибудь ревнивым эльфом? Выпустил бы кишки остроухому, и гуляй малина. Или хоть бы в лоб заехал!

Гортензий начал было бледнеть и сжимать кулаки, но тут раздался мягкий голос сира Джакуса:

– В любовной повести не место поединкам, и слышать мы должны не лязг клинков, а отзвуки лобзаний. Что до орехов в стихосложении, простим великодушно их, ибо перед нами первый опыт достойного Гортензия. Не сомневаюсь, он не забудет сказанного нами.

Де Мем опять порозовел. Его дед был пиктским друидом, переселившимся в Хай Борию, и от него внуку достались длинноватый тонкий нос, соломенные волосы и наследственное занятие. Снами торговали исключительно пикты.

– Этот его стих – не первый, – упрямо буркнул Туйтак. – Была еще возлюбленная ода, тоже слюни и сопли. Как бабочка порхаешь ты над лугом и пьешь нектар цветов весенних... Бабочка, ха!

Гортензий скрипнул зубами и снова побледнел. У него явно намечались контры с Туйтаким.

– Я просил без оскорблений, – произнес Клим. – Есть что сказать по существу? Так молви!

– Есть, твое величество! У него Данила прыгнул со стены... А ведь стена городская была в развалинах. Это сейчас ее подняли по твоему велению. А было что? Ослу по яйца! Сиганешь с такой стены – пятки отобьешь, и только!

Дрю с Опанасом захихикали, а Црым рассудительно вымолвил:

– Если уж прыгать, так с дворцовой башни, а лучше отравы плотнуть и скончаться в страшных судорогах. Но на деле сир Ардалион жив и даже превозмог эльфийские чары и завел супругу. Как-то у тебя не вяжется с реальностью, брат Гортензий. Ты чего перестарался?

– На то было особое пожелание графа Ардалиона, – прошипел сквозь зубы Мем. – Захотелось ему трагический конец, ибо, по его словам, так бы все и случилось, если бы не милостивый наш владыка и госпожа Хоколь. Их стараниями граф исцелился.

Барды вздрогнули, Туйтак прикусил губу, лютнист Каврай скорчился на своей скамейке, стараясь казаться поменьше. Даже Црым втянул голову в плечи, изображая на лице крайнее почтение. Прошла минута. Потом Опанас Дурбентский нерешительно протянул:

– Ясно дело, госпожа Хоколь женщина видная. Любого мужчину излечит от чего угодно...

– Даже от эльфийского чародейства, – поддержал его Дрю из Халуги.

– Потому как ведьма, – тихо добавил Туйтак и тут же стушевался под взглядом Црыма.

– Ты это о чем, парень? Собственной плетки давно не пробовал? – ласково поинтересовался шут. – Ведьма, значит? Ты про кого такое лепишь? Про графскую супругу и родственницу короля?

Нравом госпожа Хоколь была крутовата и, если не кривить душой, являлась ведьмой, а точнее – ведуньей. Клим познакомился с нею в деревне Плохая Погода, что в Огнедышащих горах, встретил ее перед битвой с драконом и к ней же пришел после сражения, израненный и опаленный огнем. Хоколь короля исцелила, и он, заметив, что ведунья женщина пригожая и статная, усмотрел в том пользу и велел явиться во дворец. О том, как Хоколь лечила графа от эльфийских чар, никому не ведомо, но вскоре обвенчали их в храме Благого, и сделался граф через супругу королевским кунаком-баурсаком.

То была особая форма родства среди мужчин: Омриваль, королева Клима, приходилась сестрой барону Джакусу, Джакус был женат на Терине, племяннице Хоколь, а Хоколь стала супругой Ардалиона. Обе они, Терине и Хоколь, родились в Плохой Погоде и не относились к знати, но в Хай Бории не считалось зазорным графу или барону жениться на крестьянке. Была бы собой хороша да детей рожала, а остальное приложится.

Црым сверлил Туйтака взглядом – и уже отнюдь не ласковым. Издатель «Петли и плахи» начал ерзать и бледнеть, оба барда замерли в тревожном ожидании, Гортензий де Мем мстительно усмехался, а Джакус с печальным видом глядел в потолок.

Все как у нас в собраниях пиитов, подумал Клим. Едят друг друга, жалят и язвят... Ну и отлично! Так и возвращаются таланты! А литературный талант самолюбив, ревнив, к славе жаден, и только повод дай – вцепится коллеге в горло.

Так он думал, но, конечно, это были мысли критика, а не короля. В своей королевской ипостаси Клим знал, что сказать и что сделать.

– Не всякий пиит оседлает Пегаса в свои молодые годы, – важно произнес он. – Ты, Гортензий, еще не оседлал, но очень старался. Давай и дальше так! Твори, трудись! Оседлаешь, а там и на Олимп махнешь. Как говорится, через тернии – к звездам.

– Это такое заклинание, господин? – робко спросил Гортензий.

– В каком-то смысле. Что до твоей поэмы... – Клим окинул автора строгим взглядом, и тот затрепетал. – Дрю прав, читать ее в печатном виде сил не хватит, но для декламации стих у тебя вполне подходящий. Так что повелеваю переделать поэму в пьесу, собрать лице-

деев и поставить ее на театре. А чтобы трудился ты ретивее, вот задаток. Жалую с правом ношения.

Клим отшпилил орден с крупным изумрудом и вложил его в ладонь Гортензия. Туй-так сглотнул слюну, Дрю с Опанасом завистливо вздохнули, лютнист Каврай облизнулся и с вожделием уставился на орден. Глаза торговца снами увлажнились, на щеках расцвели розы. Гортензий вытер слезинку, поклонился в пояс и молвил прерывающимся голосом:

– Твое величество... благодетель, отец родной... господин мой милостивый... нет слов... Нет слов!

– Хоть ты и отродье пикта, а все-таки поэт, – проворчал Црым. – Как же нет слов? Должны быть, парень! Ну-ка, соберись с мыслями и благодари государя как положено!

Гортензий открыл было рот, но дверь внезапно распахнулась, явив бородатую рожу сержанта стражников.

– Величество! – рявкнул воин. – Гонец из замка! Твою особу видеть желают. По срочным делам!

– Что там еще? – с недовольством отозвался Клим. – Конюшня горит? Или крыша над свинарником просела?

– Нет, государь, дыма не видно и треска не слышно, – сообщил сержант. – Гонец иначе бает про посольство из Нехайки. Значится, от ихнего князька.

– От князя, – поправил Клим. – И что ему нужно?

– Не могу знать, твое величество!

Как уже говорилось, к князю Нехайскому Клим любви не питал. Но любовь любовью, а дело – делом. Мало ли что могло случиться на южной нехайской границе. Вдруг орки вышли из Великого Болота или вылезло на берег Дикого моря какое-то чудище... Представив картину возможных бедствий, Клим резво поднялся и бросил стражнику:

– Скажи, чтоб лошадей подавали! Црым, можешь остаться. А ты, брат Джакус, веди собрание вместо меня. И чтобы без рукоприкладства!

Он вышел на крыльцо, огладил гриву белого коня и вддел ногу в стремя.

Глава 2

Носитель семисвечника

Страна Иундея лежит так далеко, что ни конному, ни пешему до нее не добраться. Нет туда пути-дороги, ибо встают на суше за горами горы, расстилаются за пустынями пустыни, и за дремучими лесами шумят другие леса. Но по морю-океану тоже до Иундеи не добраться, ибо плавают в соленых водах злодеи разбойники и морские чудища, что губят корабли. К тому же куда плыть?.. Известно лишь, что на восход солнца от венецийских земель, держа при том к югу, а дальше – как рассудит Благой Господь. Однако же древние эльфы про Иундею знали, записав те знания в магический кристалл. И дошло от них, что правит Иундеей владыка по имени Иоанн, называемый пресвитером, и что владыка тот богаче всех земных правителей и живет вечно.

Древнее Описание Земель и Стран, Сотворенное Эльфами в Дни Их Могущества и Славы. Переведено на хайборийский королевским магом Дитбольдом для всеобщей пользы и увеселения души

Нехайские послы еще толпились во дворе перед замком и шеренгой стражников в доспехах. Но было это не посольство с важными вельможами, большой охраной и обозом, а рыцарь с полудюжиной конных, все при оружии, в пропыленных плащах и сапогах, покрытых грязью, – значит, скакали борзо. При них имелся возок с поклажей, и в нем, среди кувшинов с пивом и кулей с провизией, сидели двое: старец в пестрых лохмотьях и непонятная тварь – вроде бы человек, но обросший шерстью от пят до макушки. Талию этого существа охватывал широкий пояс из толстой кожи, и такой же кожаный килт свисал до середины бедер. Другой одежды на мохнатом не было.

Около приезжих суетились конюхи и слуги, а Хохат, помощник и правая рука сира Астрофеля, покрикивал на тех и других, приказывал, чтоб лошадей расседлали, всадников накормили, а до того отвели помыться и дали вычистить сапоги. А тех, что в тележке, еще и одели пристойно, а саму тележку разгрузили аккуратно, с бережением, ибо в ней подарки для его величества. Хохат распорядился во дворе, а поодаль, в тени башни, у лестницы, что вела на стену, стоял граф Ардалион диц Батригей, глава Тайной канцелярии. Стоял спокойно, смотрел на нехайцев и тех, что в возке, с полным равнодушием, но можно было поклясться, что ни одно движение взгляда его не минует и ни единое слово мимо ушей не пролетит.

Герольды, сопровождавшие Клина, спрыгнули наземь, придержали стремя королю. Он бросил поводья, сделал знак стражникам, чтоб не стучали алебардами, и тоже покинул седло. Два конюха бросились к нему, приняли лошадей, набросили попону на королевского жеребца. Старец в возке свесил седую голову – кажется, был утомлен до смерти. Горластые нехайцы бряцали оружием, отряхивали пыль, требовали пива.

Клим направился к Ардалиону.

– Чем могу служить, твое величество? – Граф отвесил изящный поклон.

– Поднимемся на стену, кунак. Хочу разглядеть, что за гости к нам пожаловали.

– Кунак-баурсак, – поправил граф. – Вот если бы ты, государь, женился на троюродной тетке моей супруги, мы были бы кунаками. А в том случае, когда наши жены связаны родством через мужчину, то есть через сира Джакуса, надо прибавлять «баурсак».

– Ладно, не будем мелочиться, – сказал Клим и взошел на стену. Отсюда двор был как на ладони. Конюхи вводили скакунов, нехайцы гурьбой отправились за ними – видимо,

к колодцам и в трапезную. Седого старичка вынули из тележки и на руках понесли во дворец. Мохнатый шел сзади, рядом со слугами, тащившими какой-то груз, накрытый рогожей.

Рассмотрев все это, Клим повернулся к графу:

– Кто такие, сир Ардалион? Откуда прибыли и зачем?

– Старец – посол из Иундеи, а волосатый при нем то ли охранник, то ли слуга, – доложил граф. – Плыли к нам на венецийском корабле, но разыгралась буря и бросила судно на скалу. Набежали тавры, кого побили до смерти, кого в неволю взяли, а товары венецийские разграбили. – Ардалион пожал плечами. – Дикое море, государь, дикие нравы... Однако пленным повезло: шел за солью нехайский караван с сильной охраной, и наткнулись они на стойбище тавров. Дикари сбежали, а нехайцы, взяв послов, доставили их князю. Ну а тот, не мешкая, отправил к нам.

– Хорошо, это ему зачтется, – промолвил Клим, щурясь на клонившееся к закату солнце. – А теперь скажи мне, что за страна Иундея, где лежит, кто правит в ней и какая нужда им слать посольство в наши палестины?

– Того не ведаю, государь. Края далекие, за семью горами и семью морями. Где-то на юге их королевство.

– Надо же! – удивился Клим. – А я думал, что на юге у нас только Великое Болото, а за ним – орки да гоблины.

– Это другой юг, твоя милость, тот, что супротив восточных земель, – пояснил Ардалион. – Ты у сира Дитбольда спроси, он знает.

– Спрошу. А что меня так срочно звали?

– Старец, как проехали ворота, закричал: «К королю! Немедля к королю!..» Отправили гонца, а старец, похоже, сомлел с дороги и запросился спать. – Склонив голову, Ардалион добавил: – Прости, что оторвали тебя от важных дел.

По губам Клима скользнула улыбка.

– От очень важных! Гортензий де Мем поэму представил, написанную с твоего соизволения. Читал?

Брови графа приподнялись и опустились. Ему было за пятьдесят, но он сохранил браво́ый вид и рыцарскую выправку. Глаза ясные, на лице ни морщинки, только в волосах седая прядь.

– Читал, государь.

– И как?

Ардалион неопределенно повел плечами.

– В поэзии, как и в любви, все дозволено. Если поэт желает, чтобы Данила прыгнул со стены и разбился, так тому и быть. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Протянув руку, Клим стиснул плечо графа, всмотрелся в его темные глаза. Кунак не кунак, а друг и соратник – это точно. Надежный, умный, преданный...

Он бросил взгляд на меркнувшее небо и произнес:

– Лишь в поэзии все дозволено, все, что можно придумать. Смерть Данилы фантазия, мираж, и я этому рад. Рад, что ты со мной, что развеялись чары, что есть у тебя супруга и теплая постель.

– Временами даже жаркая, как печка, – сказал граф и ухмыльнулся.

Аудиенцию послу из дальних стран Клим назначил после второго завтрака. Трапеза эта была отчасти символической – сходились на нее вельможи и советники, пили кисель и пиво, закусывали рыбным пирогом и обсуждали с повелителем насущные проблемы. Касались они финансов и строительства, набора воинских полков, фортеций, возводимых в пограничных землях, торговли солью с гномами или истребления драконов, обитавших в Огнедышащих горах. Но сегодня говорили не о делах практических, связанных с гномами либо драко-

нами, а о державе, лежавшей так далеко, что в Хай Бории ходили о ней байки да легенды, никем не проверенные. Собственно, говорил Дитбольд, королевский маг, а остальные слушали.

– Ежели ехать прямо на юг, упрямся мы, как всем известно, в Великие Болота, полные тварей зубастых и хищных чудищ, а за трясинной той будут края гоблинов и орков. На закат от них – Дикое море, и по водам его можно добраться до западных стран, до венецийцев и фрязинов, а после – до островов, где обитают пикты и гишпанцы. На восход же простерся океан неведомый, с морскими змеями и тритонами, с бурями, ветрами и травой, что растет со дна, не давая кораблям прохода. По другую его сторону и лежит Иундея, Обетованная земля, с великими градами Бомбай, Шадизар и Завулон. Реки там текут молоком и медом, дворцы там крыты золотом, дороги – серебром, а царствует в этом краю пресвитер Иоанн, почитающий Благого Господа. Богатства его бесчисленны, воинов тьма, и ездят те воины на огромных зверях с двумя хвостами – один хвост спереди, а другой сзади. Ростом же звери с трех быков, зубы у них длиной с оглоблю и тоже окованы золотом.

Сир Дитбольд говорил об этом, прихлебывая кисель из клюквы и посматривая в свиток с описанием земель и стран. Свиток был не бумажный, а из пергамента, текст переведен с эльфийского. Слушая мага, Клим размышлял об иундейских чудесах и удивлялся, как добрались до него посланцы из столь отдаленных областей – не с помощью ли волшебства? И другой вопрос его тревожил: коль держава их обильна и сильна, к чему им Хай Бория? Желают союз заключить или объявить войну? Хотят торговать или сосватать для сынка пресвитера девицу попривлекнее? Или дракон им нужен для зверинца и пара шерданов? За дальностью стран все эти поводы были нелепы, как камзол с тремя рукавами.

Казначей Хапача достал из пояса монету, полновесный золотой, и подбросил на ладони. Новая чеканка, отметил Клим; на аверсе – дракон, герб государства, на оборотной стороне лица королевской четы в профиль.

– А хорошо ли в Иундее золото, коим крыши кроют? – с сомнением спросил казначей. – Наше-то самой чистой пробы. А в иундейском, может, хитрость какая? Серебром разбавлено или меди половина?

– Думаю, медь, а сверху позолота, – фыркнул градоначальник Тигль диц Марем, знавший толк в строительстве. – Крыша, она прочности требует. И лучше для нее не золото, не медь, а черепица.

Сир Ротгар Кровавый, военный министр и граф Киммерийский, поскреб за ухом и осведомился:

– Эти звери, что ростом с трех быков... Сражаться с ними как? Ни мечом, ни копьем не достанешь, разве что стрелы метать. В бою такое негоже. Стрела, известно, дура, а меч молодец.

Дитбольд на эти реплики не ответил, сидел себе в кресле, прикрыв зеленые эльфийские глаза, да поглаживал бороду. По синему его камзолу блуждали золотые звезды, то забираясь под воротник, то начиная ползть по плечам и рукавам. Под пальцами мага в седой бороде вспыхивали и гасли крохотные искорки.

– А скажи мне, кудесник, есть ли в Иундею путь посуху? – спросил Клим, отодвинув кружку с пивом. – Чтобы не плыть морями, а пройти с торговым караваном или даже с воинством? Есть ли такая дорога?

Маг встрепенулся, развернул свиток и что-то пробормотал на эльфийском. Сияющие письмена поплыли перед ним, изгибаясь радугой, что упиралась обоими концами в пергамент.

– Сухопутной дороги нет, государь, даже малой тропки не проложено, – сказал Дитбольд. – Путь, что ведет от нас к Огнедышащим горам и далее в Эльфийский Лес, там и кончается. За эльфами на востоке – дебри да пустоши, пустоши да дебри, буреломы, трясины

да хищное зверье неизвестной породы. Гиблые места! Но если миновать их, будет река огромная, и течет она на юг, прямо в край иундейский. Только как до нее добраться?

Никак, ибо нужды в том нет, подумал Клим и встал. Истории мага были закончены, а с ними и трапеза.

Послам, которых принимали с честью, Клим давал аудиенцию в тронном зале. Обширное помещение с высоким, заново вызолоченным потолком, с двумя рядами колонн и широкими стрельчатыми окнами было залито солнечным светом. Со стен свешивались знамена, под ними сверкало оружие, шлемы, доспехи, секиры и мечи, свидетельства былых побед. У входа Клим велел развесить недавнюю добычу, взятую у орков: огромные топоры, устрашающие шипастые палицы, щиты и панцири из кожи болотных аллигаторов. В противоположном конце зала сверкал на возвышении трон с драконом, простершим крылья над сиденьем и спинкой. От него по обе стороны – кресла советниковлевой и Правой Руки, которых насчитывалось шесть: маг Дитбольд, казначей Хапача, столичный градоначальник Тигль, военный министр Ротгар, блюститель дворцовых покоев Астрофель и, разумеется, королева. Ее позолоченное кресло стояло у самого трона, под правым драконьим крылом. Кроме сановников были здесь шут Црым, сидевший в ногах у короля, и рыцари личной королевской стражи сир Вардар Сокрушительный и сир Персен Смертоносный. Эти командовали эскортом из сорока гвардейцев в броне и с обнаженными клинками.

Иундейскому старцу, в знак особого почтения, тоже поставили кресло. Старец вроде бы отошел от дорожных мытарств: борода расчесана, на впалых щеках румянец, глаза как темные агаты. Обрядили его в белую просторную хламиду, не скрывавшую, однако, что посланец худ и костист, с длинными тощими руками и ногами. Кожа у него была смуглая, черты лица – благообразные, и в придачу к бороде спускались по щекам густые пейсы. Его мохнатый спутник в кожаном килте переминался с ноги на ногу за креслом старика. Под боком у мохнатого стоял довольно большой ящик или сундук, накрытый теперь не рогожей, а полотном.

Поднялся сир Астрофель, стукнул в пол жезлом и торжественно провозгласил:

– Его величество Марклим андр Шкур Победоносный, король Хай Бории и сопредельных земель, гроза орков, гоблинов и драконов, милостью Благого Господа владыка над людьми и нелюдью! Король повелевает начать аудиенцию. Посланник из дальних стран может его приветствовать.

– Аве, цезарь! – тут же выкрикнул старец высоким тонким голосом. Затем пал на колени, стукнул лбом в пол и представился: – Ашрам Абара, носитель семисвечника за тенью великого пресвитера, его посланец и твой раб, владыка. Чтоб я так жил! Наконец-то я вижу светлые лики государя и всех его славных приспешников!

Клим слегка склонил голову.

– Садись, почтенный. Сядь и поведай нам о злоключениях, что выпали тебе на пути в наши земли.

Ашрам Абара повинился и начал рассказ о том, как отплыл он со слугами и помощниками из стольного града Бомбай на судне из флота пресвитера, крепком корабле о пяти мачтах и ста парусах. Капитан и мореходы были людьми отважными, и хотя встречались путникам сирены, тритоны и чудища морские, а временами пираты на быстрых галерах, от всех они отбились и приплыли на Большие Черепашьи острова, куда захаживают уже полвека венецийские суда. Дальше путь на запад знают только венецийцы, и потому выбрал Ашрам прочную каравеллу, отсыпал, сколько спросили, золота и сел на этот корабль со всей своей свитой. Поплыли они к Дикому морю узким проливом, где с юга – жаркая пустыня, а с севера – джунгли, край орков и гоблинов, и в первые дни было все благополучно. Но как вышел корабль в Дикое море, разыгрался шторм и погнал каравеллу не к венеций-

ским землям на западе, а на северо-восток, где и швырнул на скалы. И лишь перебрались они на берег с разбитого судна, как набежали тавры, побили мореходов и людей Ашрама, а самого посла и слугу его чудного видом потащили в стойбище, надеясь на выкуп. К счастью, выручили их нехайцы.

Посланец говорил на хайборийском, как на родном, и не было сомнений, что Ашрам Абара не просто носитель семисвечника, а человек бывалый, дипломат и царедворец, знаток чужих обычаев и дальних стран. Клим слушал его, разглядывая мохнатого слугу, и чем больше смотрел, тем больше изумлялся. Уши у этого существа были заостренными и свисали двумя лопухами, шерсть покрывала тело и лицо, кроме глаз и широкого черного носа, челюсти выдавались вперед, и временами, когда мохнатый облизывал нос языком, в огромной пасти виднелся частокол зубов с острыми клыками. Не орк, не гоблин, и на вампира тоже не походит, думал Клим. Вурдалак, оборотень? Вряд ли, вид совсем не зверский... Это создание напоминало лешего из русских сказок, но не злобного, а с добродушной мордой сенбернара.

Ашрам закончил свою повесть. Советники, рыцари и королева слушали как зачарованные. Клим их понимал – не всякий день встретишь странника из дальних краев, проплывшего на судне половину мира. Надо же, из царства пресвитера! На Земле места ему не нашлось, ни царству, ни самому Иоанну, но, как утверждал маг Дитбольд, то, что в реальности Клима Скуратова считали фантазией, в хайборийском мире было вполне осязаемым. Эликсир силы, семимильные сапоги, джинн из бутылки, Голем раввина бен Бецалея, даже машина времени из романа Уэллса – все это здесь существовало, как и царство пресвитера. Возможно, тут и Атлантида есть, подумал Клим. Атлантида, Эльдорадо, Шамбала и снежный человек...

Милостиво кивнув старцу, он промолвил:

– Теперь, почтенный Ашрам, поведай, что привело тебя в Хай Борию. Зачем твой властелин отправил посольство в столь далекую страну? В чем у вас нужда? Хотите ли вы породниться с каким-то нашим знатным домом или торговать? Либо предложите иное выгодное дело?

Носитель семисвечника выпал из кресла прямо на колени, снова приложился к полу лбом и возопил:

– О великий цезарь! Не выгоды ищем мы, а спасения! Истинно вещаю: спасения, и только! За тем меня и послали, ибо дошла до нас весть о великом твоём могуществе. И уповать мы можем лишь на тебя!

От вопля его Омриваль вздрогнула, а шут, сидевший у ног короля, икнул, словно подавился свиным хрящиком.

– Не кричи, не пугай мою королеву, – сказал Клим. – Сядь и поведай нам, что за беда у вас приключилась. Орки идут войной? Или драконы стали жечь пальмы с ананасами? Или горох не уродился?

– Если бы, о цезарь! Если бы! – произнес Ашрам тоном ниже. – Постигло нас бедствие еще ужаснее. В один из дней раскрылись небеса, и выпала из них хвостатая звезда, а затем стрелой воткнулась в землю. Встал в том месте яростный огонь, столб пламени огромный, как гора! А когда утих огонь, вышли с пепелища твари жуткие, непонятные и разные видом. Одни как зверь-восьминог, другие как жуки, а есть подобные мышам летучим или вообще без обличья, вроде мглы или тумана. И принялись те твари лес сводить, дома палить, а людей и скот сжирать без разбора. Ни меч их не берет, ни стрела, ни копьё. Убедившись в своей бессилии, владыка мой и отправил к тебе посольство. Отправил, прослышав, что в землях Запада явился истинный король великой магической силы. И я, раб твой, лишь уста владыки Иоанна, и говорят они: помоги! Спаси нас и наше царство!

В зале будто повеяло холодом. Омриваль побледнела, Дитбольд с мрачным видом вцепился в бороду, другие советники хмыкали, хмурились и переглядывались. Молчание нарушил Црым, он позвенел бубенцами и спросил:

– В каком же нынче ваше царство состоянии? Все грады порушены, поля сожжены, а люди побиты? Так, что ли?

Взгляд старца обратился к королю.

– Должен ли я ответить этому человечку в пестром лапсердаке? Что повелишь, о цезарь?

– Должен, – подтвердил Клим. – Ты – уста владыки Иоанна, а этот шут – мои уста. Не всегда, но временами.

– Тогда скажу, что огонь небесный пал на севере царства, в Тангутской провинции. Там дремучие леса и мало деревень, но твари движутся на юг, к нашим городам и храмам. Дорога до Иундеи неблизкая, и если ты, государь, захочешь нам помочь, то пока доберешься, будут те чудища уже у Завулونا.

– Если я захочу вам помочь, то доберусь в царство ваше дня через три, – заметил Клим. – А теперь подумай, все ли ты сказал, почтенный? Или желаешь что-то добавить?

– Желая. – Ашрам повернулся к своему мохнатому слуге и ящику под полотняной тканью. – Стыдно мне, о цезарь, что прибыл я в твой дворец с одним-единственным подарком. Но все сокровища, что посланы моим владыкой, все драгоценные камни и золотые украшения, одежды и прекрасные шелка, вещицы резные из яшмы, нефрита и кости, – все, все досталось безбожным дикарям. Жалко и стыдно!

– Не жалея и не стыдись. Алмазов пламенных у нас своих хватает, – молвил Клим. – Так что там у тебя?

– Один дар, зато самый ценный. Хвала Благому Господу! Хотели тавры его съесть, да побрезговали.

По взмаху его руки мохнатый откинул ткань. Под ней оказался не ящик, не сундук, а клетка, затейливо сплетенная из прутьев. В клетке сидел кот – огромный, серый в темных полосках котяра с мордой в два кулака. Он был так велик, что Клим сначала принял его за рысь или за оцелота. Но зверь несомненно являлся котом – очень странным, ибо морда его выражала некое чувство, весьма похожее на отвращение.

– Котик! – воскликнула Омриваль, вытянув в удивлении шею. – Котик! Какой большой!

Советники зашумели, сир Персен выпучил глаза, у сира Вардара отвисла челюсть, а Црым снова икнул. Кот покосился на шута зеленым глазом и презрительно зевнул.

– Это что ж такое? – спросил Клим, вставая. За ним поднялись Омриваль и все советники.

– Это, государь, – произнес Ашрам Абара, – по-нашему хатуль мадан, а по-вашему – кот ученый. Баюн! Направо пойдет – песнь заводит, налево – сказку говорит. А еще ведомы ему все пути на белом свете, так что по дороге в Иундею будет он тебе полезным спутником.

– Мрр-мяу, – подтвердил кот. Затем дернул усами, разинул пасть и произнес вполне отчетливо: – На рруки ммне бррать, ммне гладить, за хвост ммне тянуть. Дети тут есть?

– Есть один, но совсем маленький, – сообщил Клим в полном ошеломлении.

– Ммне террплю детей! Меррзкие, меррзкие! Чтобы близко ммне подходил!

Вымолвив это, кот свернулся в клубок и прикрыл морду хвостом. Советники и рыцари столпились вокруг клетки, разглядывая диво дивное, говорящего кота, но тот вниманием их не удостоил.

Старец же Ашрам Абара тихо произнес, что кот зело мудр и учен, а потому на прочих тварей божьих, включая человек, смотрит свысока. К чему надо привыкнуть и близко к сердцу не принимать.

– Ладно, разберемся с этим усатым-полосатым, – сказал Клим. – Ты, почтенный Ашрам, отдыхай, а о просьбе вашего владыки я подумаю. Буду совет держать с королевой и ближними боярами.

Он взял Омриваль аккуратно под руку, кивнул Дитбольду и направился в свой кабинет. За королевской четой и магом шагали Црым и два гвардейца, тащившие клетку.

Кот вроде бы спал, но временами усы его подрагивали, кончик пушистого хвоста отодвигался, и наружу выглядывал хитрый зеленый глаз.

Дремлющего кота устроили в кресле. Джинн Бахлул ибн Хурдак завис над ним в воздухе, изучая волшебного зверя, и бормотал тоненьким голоском: «Восторг души и сердца! Настоящий барс, к тому же говорящий! Даже у Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – такого дива не имелось! Жемчужина среди котов, мудрец хвостатый!» Кот мурлыкал и пошевеливал усами – видно, хоть и был учен, а на лесть падок. Что до Клина, мага и королевы, то они в молчании сидели у стола. Король с чародеем наверняка размышляли о просьбе Ашрама, а о чем думала королева, не мог сказать никто. По ее челу, обычно ясному, скользили тени, губы были сомкнуты, и на кота она взирала с подозрением и тревогой. Возможно, оттого, что в опочивальне спал ее маленький принц, а кот признался, что детей не любит.

Под столом прозвенели бубенцы, и Црым просунул голову между креслами короля и мага.

– Что молчите, господа хорошие? Что тут думать? Идем в Иундею супостата воевать! Слава королю и хайборийскому оружию! До моря-океана доберемся, омоем в нем сапоги и стяг водрузим над солеными водами! Всех иундейцев в подданство примем. А еще...

– Замолчи, дурилка! Тоже джигит на борзом коне... Ни к чему нам дешевые лозунги, – строго оборвал его Клим. – С кем воевать? Что мы об этих квазимодах знаем? Небо, видишь, раскрылось, пала звезда, и вышли твари жуткие... Это фигура речи, а не стратегическая информация. Значит, разведка нужна. Разведка и осторожность.

– Воистину так, – согласился Дитбольд. – Вчера, узнав про посланца из Иундеи, заглянул я в свой магический кристалл, но тварей жутких не увидел. Иундея как Иундея... Кстати, прав градоначальник Тигль – крыши там не золотые, а позолоченные. И то слегка.

– Не увидел, – повторил Клим. – И что это значит, сир-кудесник?

– А то, государь, что тварей этих скрывает злое волшебство либо они вообще не из нашего мира. Не оборотни, не драконы, не циклопы и не гоблины. Пришлецы!

Омриваль молчала, но хмурилась все заметнее. Црым поерзал на полу, почесался и заметил:

– Насчет разведки дельная мысль, твоя милость. Взять с собой рыцарей из лучших, корабль у веницейцев купить, моряков нанять и ходом прямым в Иундею. Полсотни хватит, ежели рыцари будут вроде сира Вардара или сира Персена, прыткие такие громы и на здоровых битюгах.

Клим только рукой махнул:

– Какие рыцари, какие корабли! Год будем ехать и плыть, а в семимильных сапогах я за три дня доберусь. Взгляну, что там за чудовища, тогда и станем совет держать.

Омриваль нахмурилась еще сильнее и топнула ножкой. Редко она мужу прекословила, и если чего хотела, добивалась улыбками и лаской. Но тут щеки ее покраснели, очи вспыхнули, и меж бровей пролегла упрямая складка.

– Одного не отпущу! Ты, дорогой, не забудь – сын у тебя, жена и целое королевство. Вздумал в одиночку рисковать! А если пропадешь?

– В тех краях пропасть запросто, – подтвердил котьяра, раскрыв зеленые глаза. – Гроша за короля не дам, чтоб я так жил.

Он снова зажмурился и лениво повел хвостом.

Нагнувшись, Клим подхватил шута под мышки, приподнял и посадил обратно на пол. Гном был малый упитанный, однако сир Персен весил втрое больше, а сир Вардар – вчетверо. Причем без доспехов.

– Годится! Его и возьму в компаньоны. Еще кота, чтобы дорогу показывал. Шута и кота... Отличная команда!

Омриваль кивнула. Шут был ее давним наперсником и хранителем тайн – еще с того времени, когда она, скрывая свою истинную сущность, служила оруженосцем короля. Шуту она доверяла, ибо невеликий ростом Црым отличался хитростью и дьявольской изворотливостью. То было наследие гномов с Северных гор, отточенное в дворцовых интригах.

Джинн Бахлул покинул кота и опустил на королевское плечо.

– Когда выступаем, о шахиншах? Надеюсь, скромный слуга твоего величия забыт не будет? Ибо сказано мудрецом: один – не воин, двое – не совет, а трое – и совет, и войско.

– Видишь, нас уже трое, не считая кота, – молвил Клим, обнимая жену. – Вполне солидная экспедиция. Ты довольна, милая?

Положив ладонь на полную грудь, Омриваль вздохнула.

– Берегите моего короля – ты, Црым, и ты, Бахлул. Он великий воин, но у него только два глаза и две руки. В этот день не могу я пойти с ним, встать с оружием за его спиной, быть его защитой, его глазами и руками. Поручаю это вам. Воля моя такова: чтобы вы вернулись в благополучии и здравии.

Голос ее отзвучал, и наступила тишина. Однако ее слова не исчезли, не растворились бесследно. В воздухе вдруг вспыхнули огненные письма, а потом стены замка поглотили их, будто бы став надежнее и крепче. Хоть не владела Омриваль даром волшебства, но наказ ее был королевским и потому имел силу заклęcia.

– Сказано как подобает королеве и супруге рыцаря, – нарушил молчание старый маг. – Ты повзрослела, дитя мое. Да будет воля твоя исполнена! – С этими словами Дитбольд склонил голову перед Омриваль, а затем повернулся к королю. – Значит, решено, мой господин? Ты принял к сердцу мольбу о спасении и хочешь помочь этой стране?

– Если удастся, – сказал Клим. – А ты, сир Дитбольд, расспроси нашего гостя о его родине и запиши все, что он поведаст. Вот, к примеру, его слуга... Что за существо такое? Может, он из волосатых эльфов?

– Почему ты так решил, государь?

– Уши у него острые и одежды мало.

Дитбольд улыбнулся:

– Волосатых эльфов не бывает, у них волосы растут лишь на голове. Я хайбориец с примесью эльфийской крови и потому смог вырастить это украшение. – Маг расправил усы и погладил бороду. – Но знал бы ты, государь, каких это стоило трудов! Сколько я извел волшебных эликсиров, притираний и мазей! Сколько заклинаний произнес!

Теперь улыбнулся Клим:

– Ну так ходил бы безбородым.

– Как можно! Что за волшебник без бороды! – всплеснул руками Дитбольд. – Но вернемся к слуге почтенного Ашрама... Догадываюсь я, что он псоглавец, сиречь человек с собачьей головой, из племени, что обитает в землях пресвитера. Но каков их нрав и свойства, я не знаю.

– Есть такие люди, есть, – с важным видом подтвердил джинн Бахлул. – Шерстисты и обличьем звероваты, так что Сулейман ибн Дауд – да будет мир с ними обоими! – решил загнать их подальше, в иундейские края. Там, значит, они и пребывают до сей поры.

– Забавно, – сказал Клим. – Очень забавно!

Вспомнилось ему, что в земных легендах о царстве пресвитера такой народец упоминался, а еще вроде бы одноногие люди с огромными ступнями. Досужие рассказы, лживые байки моряков! Но здесь это было реальностью.

Прозвенел колокол – знак, что дневная трапеза готова и слуги ждут короля и приглашенных к королевскому столу. Клим поднялся, за ним встали Дитбольд и Омриваль. Црым был уже у порога – в какой бы час ни ели, он никогда не опаздывал.

– Время обеда. Идем, дорогая, – молвил король, предлагая руку своей королеве. – Сир Дитбольд, окажи нам честь, отобедай с нами. Почтенного Ашрама я тоже хочу пригласить. Его чудесные истории о дальних землях и морях будут очень кстати.

Кот встрепенулся, задрал хвост трубой и спрыгнул с кресла.

– Мрр! Обед! Самое важное слово в примитивном человеческом языке! Обед, а также завтрак и ужин! Надеюсь, у вас едят мне ррепу с капустой?

Ответа он не дождался и вслед за Црымом юркнул в дверь. Так они и отправились в трапезную: король, королева и старый маг, а впереди – шут с котом.

В третьем ночном часу Клим покинул супружеское ложе – бесшумно, чтобы не разбудить Омриваль. Опочивальня наполнилась ночными звуками: тихое дыхание женщины и ребенка, скрип половиц, шаги часового за дверью, едва слышный шелест в темном углу, где возилось какое-то привидение. Все это стало уже таким привычным и знакомым, что прежняя жизнь вспоминалась смутно – будто бы и не жизнью она была, а жутковатым сном. Видением, в котором сводили под корень леса, качали нефть, коптили небо мириадами труб и дырявили озоновый слой ракетами. Возможно, та жизнь была химерой, а настоящая – вот она, здесь, подумал Клим и направился к окнам.

Город спал, погруженный в темноту, и с его стен и башен доносилась далекая переключка стражей. В вышине мерцали звезды, плыл караван облаков, а ниже, над самыми кровлями замка, плавно кружили три тени. Одна из них, заметив короля, метнулась к распахнутому окну и повисла в воздухе, трепеща большими кожистыми крыльями.

– Шепот Во Тьме, – назвался вампир в обличье гигантской летучей мыши. – Что угодно твоему величеству?

Команда нетопырей-вампиров подчинялась капитану Мамышу, удостоенному прошлым летом герба и рыцарского звания. Его летучие отряды исполняли государственную службу, охраняя по ночам замок, город и его окрестности. За это вампирам было дозволено пить кровь на скотобойне, спать по подвалам днем, а ночью свободным от дежурства летать, где пожелается. Во время войны с орками Клим использовал их как воздушных разведчиков и убедился в эффективности службы Мамыша. Вампиры тоже были довольны: в период боевых действий им разрешалось пить кровь противника без всяких ограничений.

Сейчас он помахал летучему стражу рукой и молвил:

– Мое величество удалится на три-четыре дня, и мне угодно, чтобы в это время ночная охрана была удвоена. Особо стеречь покой с королевой и наследником – так стеречь, чтобы комар в окно не пролетел! Мой приказ передай капитану Мамышу.

– Будет исполнено, господин. Клянусь клыками Дракулы! – ответил Шепот Во Тьме и ринулся в небеса.

Клим постоял у окна с минуту, прислушиваясь к дыханию сына и жены. Она велела джину и гному его охранять, он приказал вампиру то же самое – чтобы стерегли ее покои... Ничего странного, если не считать странных исполнителей. На Земле вампира не пошлешь в дозор, гном не встанет за твоей спиной, джинн не полетит в разведку. Ну и что с того? Важным было другое, здесь и там, на Земле, – тревога и страх за любимых.

«Я быстро обернусь, – подумал Клим, стараясь себя успокоить. – Три-четыре дня, в крайнем случае, семь-восемь, и никак не больше десяти. Буду дома к празднику урожая.

Хорошее время! Король и королева первыми пьют молодое вино. Пьют вино, танцуют и разбрасывают спелые зерна пшеницы...»

Глава 3

Оракул за шахматным столиком

Не всякий поймет слова оракула, ибо изъясняются они туманно и велеречиво, и речи их допускают различное толкование. Но даже в том случае, когда дан понятный совет, он может показаться странным, нелепым или совершенно невыполнимым. Посему либо не обращайтесь к оракулу, либо делайте в точности, что он сказал.
Руководство по общению с оракулами, написанное эльфийским королем Джельсомино Многоумным

Утром Клим достал из сундука семимильные сапоги, флакон с эликсиром силы и свой десантный нож. Сапоги он приказал почистить и проветрить. После битвы с драконом от них несло гарью, хотя – удивительное дело – огненный ливень в пещере им не повредил, искры не прожгли толстую прочную кожу, и подметки с железными набойками тоже остались целы. Но пахло неприятно. Для странствий по лесам и горам сойдет, однако являться в грязных сапогах к пресвитеру было бы нарушением этикета и ущербом королевского достоинства.

Закончив с этими делами, Клим направился в кабинет, чтобы посовещаться с котом.

Хатуль мадан облюбовал кресло, в котором на заседаниях совета обычно устраивался градоначальник сир Тигль. Мужчина он был увесистый, любивший выпить и закусить, так что на сиденье появилась приличная вмятина, где кот и устроился со всем удобством. Насколько мог заметить Клим, он пребывал в двух состояниях: спал и кушал. Кушал с удивительным аппетитом, спал сладко, и это внушало сомнения насчет других его талантов. В данном случае сказки и песни Клим не заботили, а вот что котяра знал про пути-дороги в Иундею? И знал ли что-то вообще? Брать с собой лишний груз не стоило, да и прокормить двух обжор, кота и шута, было проблемой.

Клим сел и принялся разглядывать преподнесенный ему дар. У кота даже ухо не дернулось.

– Когда входит король, положено вставать, – произнес Клим. – Или хотя бы просыпаться.

Никакой реакции.

– В моей державе все трудятся, кто на пашне, кто в мастерской, кто на ратном поле. Не желаешь ли прогуляться в подвал? Мышей там развелось – тьма!

Кот приоткрыл левый глаз и закрыл его снова.

– Что ж, – сказал Клим, – не хочешь говорить, отдам тебя госпоже Хоколь. Ведунье кошачье сало пригодится, а из шкурки пусть варежки смастерит. Зимы у нас бывают холодные.

– Очень холодные, – уточнил джинн Бахлул ибн Хурдак, взмыв в воздух со спинки королевского кресла. – Жаль, если твое мудрейшество пойдет на жир и рукавицы. А потому наполни чашу красноречия и раскатай ковер слов для нашего владыки, ибо жизнь и смерть – в его руках.

Кот открыл оба глаза и поинтересовался:

– Когда завттрак, сударри мои? Рыбку хочу! И сосиску!

– Рыбку и сосиску нужно заработать. Старец Ашрам обмолвился, что ведомы тебе все пути-дороги на белом свете. Или он преувеличил?

– Так то пути-дорроги, а в Иундею путей ммнет. – Хатуль мадан лениво потянулся, выгнув спину. – В вашем убогом корролевстве на закате горры, за ними лес с эльфами, там все дорроги и кончаются. У камня!

– Давай-ка подробнее, – велел Клим. – Что за камень?

– С давних порр стоит, и надпись на нем такая: направо пойдешь – коня потерряешь, налево пойдешь – лишишься злата-серебра, пррямо пойдешь – живому ммне быть. Мрр... Такие вот дела, твое величество... Как там насчет сосиски?

– Еще не заработал. Дальше что, разговорчивый мой?

– Тайга до самых Поднебесных горр. Волки, змеи, кабаны, медведи. В болотах кики-морры, в озерах ррусалки... еще лешие есть и ведьмы... А доррог вот ммнет. Никаких!

– Этим нас не напугаешь, – молвил Клим. – С ведьмой, если к ней с уважением, можно вполне столковаться, да и леший тоже человек. А те горы, что ты помянул, велики ли?

– Сказано – Поднебесные, значит, до небес! Лед и камень, камень и лед. Во льдах пещерры тайные, и лежат в них дрревние тварри лемурры, каждый рростом с башню. Лежат, ждут.

– Чего еще?

– Ждут, когда ррод людской закончится и наступит их царрство. Мрр... Скорро, скорро!

– Да ты, братец, пессимист, – сказал Клим. – Не знаю, где ты этих баек наслушался – может, в нашей желтой прессе вычитал. Там про лемуров очень любят, а еще про атлантов, Шамбалу и пришельцев из космоса... Ну не будем об этом. Что у нас за горами, мой хвостатый друг?

Кот поднялся на все четыре лапы, гордо задрал голову и заурчал.

– Я тебе, величество, ммне дрруг, пока ррыбки не дашь! И сосиску! И сметану! Я с тобой уже час толкую, а умственная деятельность вызывает аппетит. Мне нужны калоррии!

– Будут, – пообещал Клим. – Так что там у нас за горами?

– Ррека Маганга. Найдешь брревно, сядешь и доплывешь до самого Бомбая. Доплывешь, чтоб я так жил!

– Ну раз мы уже в Бомбае, иди столоваться. Да поспеши! Црым, я думаю, уже в малой трапезной. Дорогу найдешь?

Не ответив, кот соскочил с кресла и стрелой бросился к двери. Клим тоже поднялся, бросил задумчивый взгляд в окно и почесал в затылке.

– Что скажешь, Бахлул? Какое у тебя впечатление?

– Мудр, но прожорлив, мой повелитель.

– Вот и я о том же. Хотел взять запасов на три дня, а теперь думаю, что надо их удвоить. Иначе Црым съест кота или кот – Црыма.

Некоторое время джинн размышлял над такой возможностью, затем произнес:

– Не кручинься, о солнце вселенной! Упомянул он кабанов, а еще озера и русалок. Так что без мяса и рыбы не останемся. Но хочу сказать о другом: приступая к любому делу, Сулейман ибн Дауд – мир с ними обоими! – обращался к оракулу и спрашивал, что для сего дела потребно и чем оно закончится. Есть ли у нас оракул, о шахиншах? И если есть, почему бы не спросить его совета?

– Спросить можно, только оракул наш сомнительный. Любит шутки шутить, и не поймешь, когда ему верить, – ответил Клим. – Но все же я к нему наведуось после второго завтрака. А сейчас первый бы не пропустить! Не знаю, что Црым с котом оставили мне, тебе и королеве.

Он вышел из кабинета и направился в опочивальню, где Омриваль кормила наследника.

Когда король покидает страну – пусть даже на три-четыре дня, – оказывается, надо завершить массу дел и оставить множество распоряжений. Такова уж судьба самодержцев, и Клим принимал данный факт с покорностью. Утренние часы ушли на то, чтобы подписать финансовый отчет мастера Хапачи, указы о производстве в офицеры и рескрипт с жало-

ванными воинам наградами. Он также принял старца Ашрама и выяснил, что тот доволен едой, питьем и своими покоями, а больше всего – беседами с магом Дитбольдом об устройстве вселенной и божественном промысле. Еще он выслушал доклад сира Тигля о строительстве нового моста и соображения сира Ротгара, как сей мост укрепить башнями с обоих концов и сколько в них поставить гарнизона. Но на этом дела не кончились; был еще сир Ардалион, поведавший о внушении издателю «Хайборийского патриота» и о том, что авторы карикатуры и поносных стихов мужики хилые, в войско не годятся, а потому наложен на них штраф плюс пять палок по пяткам.

Выслушав доклад, Клим спросил:

– С бандой у нас что, с Соловьем-разбойником? В «Петле и плахе» пишут, что караван с солью и зерном ограбили, корчму в Нижних Дубах сожгли, коз воруют и бьют пастухов. Негоже, граф! Что твоя служба? Дремлет?

Ардалион усмехнулся, поиграл бровями.

– Сведения устарели, государь. Корчму и правда сожгли и коз поворовали, но караванчики были ряженные, из моих молодцов. Треть банды положили, пятерых повязали и казнили в Нижних Дубах. Месяц назад. А вот остальные шестеро...

Глава секретной службы замолчал.

– Что остальные?

– Подались за Огнедышащие горы, к Эльфийскому Лесу. Прилетит зачарованный ворон, узнаю точнее.

– Ворон? Откуда ему взяться?

– Видишь ли, твое величество, в банде есть мой человек. Работает под прикрытием. Слегка обучен чародейству... на воронов умения хватает.

– Нужно наградить, когда покончим с бандитами, – распорядился Клим и отпустил графа.

Белого жеребца уже заседлали, и два герольда томились во дворе, поджидая короля. Вскочив в седло, Клим покинул замок, рысью спустился к площади, к зданию библиотеки, и взошел на второй этаж.

Тут была круглая площадка, облицованная камнем. Небольшой коридор слева вел в книгопечатню и редакцию «Вестника», а справа раскрывалась широкая арка под драконьей головой. По обе стороны от нее висели две когтистые лапы, а чуть ниже – секира с эльфийскими письменами, отчеканенными на лезвии.

Дракон с бессильной угрозой уставился на Клина. Вместо глаз у него были два огромных рубина, дань гномов с Северных гор, но клыки остались прежние. Полюбовавшись чостоколом этих кинжалов, Клим буркнул:

– Не скалься, бобик, не укусишь. Попал под раздачу и выпал в осадок.

В первом музейном зале сверкали на полках драконьи сокровища, золотые кубки, чаши и кувшины, а стерегла их мраморная нимфа в венке из дубовых листьев на пышных кудряшках. Нимфу изваял какой-то фряжский чародей, и ее привезли в Хай Борию лет двести назад, чтобы украсить то ли фонтан, то ли парадную лестницу. Но что-то не сложилось, и в результате нимфу сунули в подвал, где она обростала пылью в щели за бочками с вином и пивом. Теперь, отмытая и заново отполированная, она украшала Королевский музей.

Клим шлепнул ее по каменному заду, и нимфа лукаво прищурилась.

– Без вольностей, твое величество, тут не место... Хотя, если желаешь, уединимся в кустах.

Пейзаж с кустами жасмина висел неподалеку, и кустики тут же раздвинулись, явив уютную беседку. Нимфа уже начала розоветь и строить глазки, но Клим ее осадил:

– Не до тебя, греховодница! Снова в подвал захотелось? Веди себя прилично!

Во втором и третьем залах висели картины пристойного содержания и размещались всякие диковины. Одной из них была шахматная машина, подаренная Климу венецианцами: фигурки из красного и черного стекла, табурет и столик из самшита, а под столом – масса колесиков, пружинков и рычажков, которые двигались, вертелись, крутились в разные стороны и мелодично позванивали. Клим не сомневался, что это бутафория; на самом деле в машине заточили стихийного духа, который во время игры мог говорить и даже кое-что предсказывать. Но верить всему не стоило – дух был большим юмористом, а может, радовался поводу поиздеваться над людьми.

Клим сел и передвинул красную королевскую пешку вперед на два поля. Доска, тоже из красного и черного стекла, озарилась неярким мерцанием, затем раздался хрипловатый голос духа:

– Оригинальный ход, твое величество. Я, пожалуй, отвечу тем же.

Минуты три-четыре прошли в молчании. Клим переставлял свои фигуры, черные двигались сами собой. Они разменяли пешки, вывели на оперативный простор слонов и коней. Черный слон съел красного коня и был бит ферзем.

– Хочу спросить, – промолвил Клим. – Дело одно я затеял, в путь собрался. Закончится ли все успешно?

– Фортуна тебе благоволит, – откликнулся дух. – Все исполнишь и будешь при том жив и здоров.

– Вернусь скоро?

– А вот об этом не мечтай. Путь туда будет не очень долгим, но обратно... – Дух съел ладью красного слона. – Обратно придется тебе странствовать по горам, лесам и соленым водам. Не один день!

Клим призадумался и прозевал второго слона.

– Хм... на соленые воды я не рассчитывал. Воды, значит... Не врешь? Точно?

– Как в аптеке, – раздалось в ответ. – Шах, твое величество.

– А с собой что взять? Но давай по-честному, без приколов.

– Пиво, – сказал дух. – Без пива жди проблем.

– Вот спасибо, что напомнил! Пиво обязательно! – Клим вывел короля из-под удара.

Принимать зелье силы полагалось с пивом, капля на большую кружку. Вероятно, пиво служило разбавителем, так как волшебный эликсир был крепок и сообщал организму изрядную встряску. Без пива даже одна капля могла сжечь гортань, пищевод и желудок.

– Пиво возьму, – сказал Клим. – Еще что посоветуешь?

– Кузнечный молот. Кувалду в два пуда.

– А ты, заботливый мой, не шутишь? Просил же без приколов!

– Не шучу, твое величество. Кувалда, она и в Африке кувалда. Надежный инструмент!

– Ладно, я подумаю. Есть другие предложения?

– Есть. Встретится по пути что-то ядовитое, не пренебрегай, может пригодиться. Отрава, государь, она и в Африке отрава... И еще: как выйдешь на площадь, не садись тотчас на коня. Жди подарка. Кстати, тебе шах и мат.

Голос смолк, мерцание погасло, фигуры вернулись на свои места. Клим вздохнул. Проигрыш, как всегда! Зато куча полезных советов. Особенно насчет кувалды. А к ней – кот, шут, жбан с пивом и продовольствие. Все сапогам не потянуть, хоть они семимильные...

– Кувалду изобразим на месте, если будет нужда, – молвил он вслух и направился к выходу.

Его тревожило пророчество насчет обратного пути. Три дня, пять или десять – разница невелика, но если путешествие затянется на пару месяцев, кто будет править королевством? Советники, конечно, люди мудрые, надежные, но вотчина у каждого своя, а за державу думает король. Думает и решает! Пока в стране тишь да гладь, можно положиться

на советников. А вдруг?.. Вдруг орки перейдут границу? Вдруг киммерийцы устроят набег? Вдруг взбунтуются гномы или князь Нехайский, пользуясь безвластием, посягнет на трон дракона?

Обуреваемый такими думами, он спустился вниз. Там поджидали стражники и герольды, а вокруг собрался народ, большей частью из приезжих, коим было любопытно поглазеть на короля. В воздух полетели шапки, какая-то девица бросила под ноги Климу букетик полевых цветов, потом толпа дружно выдохнула:

– Вира лахерис, твое величество!

– Майна хабатис, – отозвался Клим. – Пусть Господь вас благословит.

Юный герольд придержал ему стремя, но он не торопился. Жди подарка... – сказал дух. Интересно, какого?

В толпе наметилось бурление – кто-то, всю работая локтями, проталкивался к королю. Невысокий, длинноносый, с лохмами цвета соломы и в кафтане с изумрудным орденом... Не иначе как Гортензий де Мем, рыцарь Круглого стола!

Добравшись до Клима, Гортензий преклонил колени.

– Твой слуга, государь! Разреши слово молвить!

– Валяй, – сказал Клим. – Хочешь насчет пьесы посоветоваться?

– Нет, владыка. Я с ответным даром. С драгоценностью, что хранится в нашей семье целое столетие!

Он вытянул руку с раскрытой ладонью. Там, заключенная в прозрачный шарик, застыла бабочка с крыльями темными как ночь. Небольшая – шарик размером со сливу, а бабочка и того меньше.

– Что это? – спросил Клим.

– Сон, мой господин. Если помнишь, я торгую снами. Сны в таких футлярах из прочного стекла. Если его разбить, бабочка оживет, станет летать над веками спящего, и привидится ему то, что заказано, – мать, умершая много лет назад, сказочная страна, о которой мечталось, или он проведет ночь в объятиях любимой. Есть сны для девушек и женщин, есть для мужчин, есть для детей... Разные сны. Но этот сон – особый.

– Благодарю. – Клим принял шарик из рук Гортензия. – И в чем же эта особенность?

– В том, государь, что, где бы ты ни очутился, приснится тебе самый близкий человек, и сможешь ты его увидеть и с ним поговорить. А сказанное тот человек услышит, поймет и сделает все по твоей воле, будто не сон ему был послан, а был ты с ним наяву. Чародейство предков моих, господин, пиктских друидов... Сохрани этот сон. Вдруг пригодится.

– И правда, пригодится. – Клим спрятал шарик в пояс. – Предки твои, Гортензий, были мудрецы. Таковую придумали телепатию!

Он поднялся в седло, кивнул де Мему и пришпорил скакуна. Толпа раздалась, кто-то крикнул: «Ждем на праздник урожая, государь! У нас, в Липах-на-Взгорье! Вместе с королевой!» До завершения жатвы и праздника было еще двадцать с лишним дней. Вернусь ли? – подумал Клим.

Фортуна благоволит, сказал дух. Однако придется странствовать по горам, лесам и соленым водам... Не один день! С чего бы? В сапогах ни колес, ни мотора, портиться нечему, и бензин им не нужен...

Вернувшись во дворец, в свои покои, Клим застал там беготню и суету. Носились слуги с блюдами и крынками, фрейлины их подгоняли, а из будуара королевы, где она занималась чтением, танцами и вышиванием, слышались женские голоса, звон посуды и временами басовитый кошачий вопль. Кажется, его будущему проводнику приходилось не сладко.

Тихо ступая, Клим приблизился к двери и заглянул в комнату. Там было полно женщин; Омриваль сидела в кресле, ее окружали с десяток фрейлин, а в середине будуара стояла

ведунья госпожа Хоколь с сосиской в левой руке и аппетитным карасиком в правой. У ее ног сидел хатуль мадан: уши торчком, усы шевелятся, морда умильная. Рядом с ним поднос, но пустой. Возможно, он предназначался для карася или сосиски.

Супруга графа Ардалиона была, как обычно, в строгом синем платье до пят и темной кружевной мантилье. Волосы длинные, темные, взор суровый, губы строго сжаты. Но, судя по тому, что руки ее были заняты, колдовать она не собиралась.

– Я сказала, пой! – Голос госпожи Хоколь был повелительным и звонким. – Королева желает послушать. Пой, нечисть полосатая!

– Мне могу-уу! – провыл хатуль мадан.

– А сосиску хочешь?

– Очень! И ррыбку!

– Тогда пой! – Хоколь опустила карасика. – Направо иди и песнь заводи! Живо!

– Сказал, мне могу-уу! Дуб нужен и цепь золотая! Куда идти, если цепи мнет?

– Я тебе покажу цепь! – пообещала госпожа Хоколь, снова поднимая рыбку. – В подвал отправлю с цепью на шею, и будет она не золотая, а железная. Вот тогда и запоешь! – Она откусила от сосиски, прожевала и заметила: – Ммм... вкуснота какая... А тебе – крысы. Конечно, если поймаешь.

Фрейлины захихикали. Омриваль, добрая душа, пригорюнилась, – похоже, ей было жалко кота. Но обитательницы замка, даже сама королева, соблюдали правило: с госпожой Хоколь не спорят.

Ведунья заговорила, плавно помахивая то сосиской, то карасем:

– У нас в Хай Бории не капризничают и все почитают короля и королеву. Скажет королева: квакай! – будешь квакать. А не захочешь, так я помогу. – Она положила сосиску на стол и щелкнула пальцами. – Желает в жабу превратиться? Или в лягушку? Или все же будешь петь?

Лихо она его дрессирует, подумал Клим. Цирк дедушки Дурова, и только!

Хатуль мадан пошевелил усами, приняхиваясь то к сосиске, то к рыбке. Потом промурлыкал:

– В жабу мне надо, не терплю жаб. Так и быть, спою. Но сегодня я мне в голосе.

– Мы переживем, – пискнула юная фрейлина Дана. – Только песня должна быть про любовь!

– Непременно, – согласился кот и, задрав хвост, взревел дурным голосом: – Мальчик хочет в Тамбов, чики-чики-чики-та!..

Две фрейлины лишились чувств, Омриваль побледнела, а госпожа Хоколь выронила рыбку. Кот тут же ее оприходовал.

Ведунья пришла в себя и гневно топнула ногой.

– Просили про любовь! Без всяких чики-чики! Другую давай!

– Это и есть про любовь, только в другой реальности, – сообщил кот, облизываясь. – И других песен у нас тоже есть. Мрр... мрр... сейчас на писк настроюсь... вот так: – Мармеладный мой, я мне права, поцеловала, обнимала...

– Ах ты, охальник! Издеваешься, да? – Госпожа Хоколь совсем расвирепела и принялась делать затейливые пассы. – Нет, не в жабу, не в лягушку, а в червяка! И в болото, в болото! Жабам на корм пойдешь, мармеладный мой! Сей же час!

Громыкнуло, сверкнула молния, запахло сыростью и тиной, и кот в ужасе прижался к полу. Бог знает, чем бы все кончилось, но тут королева промолвила:

– Оставь его, тетушка Хоколь, не гневайся. Конечно, эти песни – не высокое искусство, и смысл их никому не понятен. Но я думаю, он только пробует голос, чтобы явить нам свой талант во всей красе. Если для этого нужна сосиска или сметана, пусть их получит.

Кот ожил и облизнулся.

– Мудрое решение, мудрое... рыбка, сметана, сосиска... Но ша! Все же я сначала вам спою. Спою королеве, ее дамам и королю, который прячется у двери. Думаю, он будет доволен.

И хатюль мадан двинулся направо, шевеля усами, мурлыкая и свивая круги у ног госпожи Хоколь. Под его лапами сверкнула золотая цепь, простились мощные ветви дуба, и тогда он поднял голову и завел песню – на этот раз приятным баритоном:

Ой, морроз, морроз, не моррозь меня,
Не моррозь меня, моего коня.
У меня жена, ой, красавица,
Ждет меня домой, ждет-печалится...

Песня отзвучала, и кот, озаренный сиянием золотой цепи, начал следующую:

Живет моя отряда в высоком террему,
И в террем тот высокий нет хода никому.
Я знаю, у красотки есть сторож у крыльца,
Но он не загорродит дороги молодца...

Он замолчал, блеск золота исчез. На лету поймав сосиску, брошенную Омриваль, кот съел ее и отвесил изящный поклон королеве. Потом, гордо задрвав хвост, направился прочь из будуара. Климу, шагавшему следом, почудилось, что хатюль мадан то ли мурлычет, то ли продолжает что-то напевать. Он прислушался. Кот и в самом деле пел, и под его лапами снова поблескивала золотая цепь:

– Шаланды, полные кефали...

Клим поднялся на восходе солнца. Омриваль, покачивая на руках младенца, смотрела, как он собирает башмаки, прочные штаны из замши и кожаную куртку, опоясывается широким ремнем, подвешивает к нему нож и флягу, прячет за пояс флакон с эликсиром и кошелек. Тревожным был взгляд королевы.

– Ты, милая, не печалься и за меня не беспокойся, – сказал Клим. – Если скоро не вернусь, значит, дела задержали. Страна далекая, и что там творится, ведает один Благой Господь.

– Чудовища, – тихо промолвила Омриваль. – Старец Ашрам говорил про чудовищ...

– Что чудовища? На всякую гидру найдется свой Геракл. – Клим нащупал флакончик за поясом и добавил: – Который вооружен и очень опасен.

По щеке Омриваль скатилась слезинка.

– А вот этого не надо, – шепнул Клим, целуя ее губы. – Королеве плакать не положено.

– Что же мне делать без тебя?

– Как что? Правь! Ты владычица державы! Земли и народ в твоих руках, и ты за все в ответе. Лишь об одном прошу, – Клим опять ее поцеловал, – войну без меня не начинай. Война все же занятие мужское.

Омриваль выпрямилась, ее глаза сверкнули.

– Сделаю, как ты сказал. И буду ждать! Ты мой король, а я твоя королева!

Улыбнувшись, Клим перебрал через плечо сапоги, погладил щеку спящего сына и спустился во двор. Спутники поджидали его у ворот – скоморох, прижимавший к животу торбу с припасами, и джинн Бахлул, который выглядывал из кармана Црыма. Что до хатюль мадана, тот спал в корзине, прикрыв морду пушистым хвостом, – видно, утомился после вчерашнего концерта.

Клим натянул сапоги. Они были чудовищного размера – даже засунутая в обуви нога в них болталась. Затем, не сходя с места, поднял корзину и кивнул шуту:

– Полезай на закорки и крепче держись. Не хотелось бы обронить тебя по дороге.

Шут взгромоздился ему на спину, и Клим крикнул – хоть гном, а увесистый. Впрочем, был он не тяжелее автомата и мешка с походной выкладкой.

Латники у замковых врат грохнули алебардами. Сегодня старшим у них был сир Олифант Беспощадный, его броня сверкала под утренним солнцем, развевались перья на шлеме, грозно топорщились шипастые наплечники. Он поднял меч, отдавая салют королю.

– Открыть ворота! – велел Клим.

Тяжелые створки распахнулись, и он сделал первый шаг. Второй пришелся уже далеко за городом, в Заповедном лесу, где шелестели деревья, журчали ручьи и тянулись на юго-восток звериные тропы.

Глава 4

Прекрасная Дезидерада

В лето, когда воцарился на драконьем престоле король Марклим Драконоборец, посланный Хай Бории Благим Господом, явились в столицу три посольства, от гномов с Северных гор, от нехайского князя Шмера и от эльфийского владыки. Гномы изъявили покорность государю и обещали выплатить все дани и недоимки; государь же, выслушав их, повелел строить в их пределах крепость для защиты от киммерийцев. Нехайский князь также пожелал вернуться под крепкую государеву руку, в знак чего отправил дочь свою Дрейзе бен Шмер – в больших надеждах, что станет она хайборийской королевой. Девушка та была волосом черна, собой приглядна и в хороших телесах, но нрав имела вздорный, так что государь ее отверг. Что до эльфов, те привезли принцессу по имени Дезидерада, столь прекрасную душой и лицом, что сердце государя к ней склонилось. Но, по здравом размышлении, он и ее отверг, решив, что негоже человеку – тем паче королю – вступать в супружество с эльфийкой. Ибо век человеческий короток, а эльфийский – долог.

Извлечение из «Хроники царствования Марклина Первого Драконоборца», составленной королевским архивариусом сиром Напаном

От столицы и Заповедного леса, места королевских охот, к городам Рузань и Дурбент, что стояли на Южном тракте, потом – на восток, через три реки и Озерный край сказочной красоты, где над хрустальными водами парили туманы, через Лес-на-Взгорьях, где росли огромные дубы и яворы, и дальше к Подгорью. Шаг, шаг и еще шаг... Мимо селений Подкамень, Облачный Утес, Плохая Погода – к отрогам Огнедышащих гор, где обитали драконы, мимо их тайных пещер, мимо вулканов, плюющих дымом и огнем, к главному хребту, к Большому Камню. Шаг, шаг и еще шаг... Над скалами, ущельями и неприступными вершинами дальше и дальше на юго-восток, к Эльфийскому Лесу, где человек – гость незванный и нежеланный. Долгая дорога, но известная; случилось, охотник к эльфам забредет, как некогда сир Ардалион, или эльфы отправят послов в Хай Борию.

Вечер еще не наступил, а Клим уже притомился. Тащить шута, кота и мешок с провизией – нелегкая работа. Да и на поясе висело изрядно – нож, топорик, фляга, кошелек. Перевалив через горный хребет, оставив позади каменные осыпи, ущелья и вулканы, он решил, что самое время для привала. Однако с высоты были видны развесистые кроны эльфийских дубов, зеленое лесное море, манившее прохладой, и казалось, что до него в сапогах-скороходах не больше пары шагов. Так что Клим поднапрягся, сделал первый шаг, сделал второй, однако...

Со вторым шагом не получилось, он по-прежнему стоял в густой траве метрах в тридцати от лесной опушки. Новая попытка ни к чему не привела – он мог шагнуть вперед, но шаг был самым обычным.

Что с сапогами? – подумал Клим. Мотор сдох или горячее кончилось? Вопросы чисто риторические, ибо ни в том, но в другом его волшебные сапоги не нуждались.

– Слезай, – сказал он Цырму. – Разведем костер и будем отдыхать. А заодно подумаем, не случилось ли чего с нашим транспортом.

Шут соскользнул со спины. Хоть путешествовал он верхом, но тоже казался утомленным. Клим опустил в траву корзину, откинул крышку, но кот выбраться наружу не пожелал. Потянулся, выпустив когти, понюхал воздух и промолвил:

– Ммня... Никаких костров, твое величество, мы в эльфийских пределах. Кстати, любая магия, кроме их собственной, тут мне действует.

– Вот каналы остроухие! – буркнул Црым, тоже потягиваясь и массируя поясницу. – И что нам теперь делать? Как перебраться через их проклятый лес?

Вовсе не проклятый, а чудесный, мелькнуло у Клима в голове. Деревья тут были огромными, вдвое-втрое больше, чем в Лесу-на-Взгорьях, их ветви простирались так далеко, что не разглядишь, от свежей листвы и трав тянуло приятным запахом, и под огромными стволами не замечалось ни валежника, ни прелых листьев. Только травы по колено и цветы – алые, багряные, лазоревые, синие... Издалека доносился птичий щебет, порхали яркие бабочки, журчал ручей с хрустальной водой, и дно его было устлано пестрыми камнями. Над лесом раскинулся купол бирюзовых небес, плыли в вышине облака, воздух сладким бальзамом вливался в легкие.

Дивный лес! Волшебная обитель сказочных существ!

Золотые кудри и нежное личико Дезидерады явились Климу, и он глубоко вздохнул. Потом произнес:

– Раз нельзя перебраться, мы пойдем другим путем. – Порылся в памяти и добавил: – Нормальные герои всегда идут в обход.

– Это в какой такой обход?.. – начал было Црым, но тут мягко затоптали копыта, раздался мелодичный стон рожка, и из-за древесных стволов вымахнули три всадника на единорогах. Похоже, эти молодые эльфы в шлемах и блистающей броне были умелыми воинами: один осадил скакуна в пяти шагах от Клима, двое разъехались в стороны, вытащили луки и взяли чужаков на прицел.

– Человек и гном! – воскликнул первый всадник, сжимавший в руке серебряный рог. – И у них магические вещи!

– Это возбраняется? – спросил Клим, стаскивая сапоги.

Молодой воин нахмурился, его синие глаза потемнели.

– Что вам здесь нужно? Убирайтесь отсюда, путники! Вернитесь в свой мир, иначе...

Но договорить он не успел.

– Закрой рот, недоумок, и склони свою дурную голову, пока ее не потерял! На колени! – гаркнул Црым. – Перед тобой владыка Хай Бории и сопредельных земель, его величество король Марклим, победитель орков, гоблинов и драконов!

Из кармана шута выбрался джинн Бахлул, взлетел повыше и пискнул:

– Нашему господину не заступают путь, юноша, а расстилают перед ним ковер гостеприимства, усыпанный цветами. И еще на том ковре должны быть шербет, фрукты, свежие лепешки и плов из молодой баранины. А пока падишах будет есть и пить, пусть юные одалиски играют на арфах и пляшут танец живота.

– Нагими и с блюдцами сметаны в каждой руке, – добавил кот и облизнулся.

Эльфы онемели. Впрочем, было неясно, что привело их в ступор – то ли титулы Клима, то ли наглость его спутников, то ли говорящий кот.

Наконец эльф с рогом – видимо, старший в дозоре – очнулся и сказал:

– Хай Бория далеко за горами, а вы – здесь. Всякий может объявить себя королем и победителем драконов, коих в жизни не видал. Кто за вас поручится, странники? Кто скажет слово в вашу защиту?

Клим пожал плечами. Ему и правда хотелось есть и пить, пусть даже без компании арфисток и танцовщиц.

– Думаю, принцесса Дезидерада, которая не так давно гостила в моем дворце. Еще дук Джангалеадзо и дук Гундобальдо.

Молодой эльф вскинул голову, его лицо окаменело, глаза закатились, щеки залила бледность. Докладывает служивый, понял Клим, озираясь на двух других воинов. Те пребывали в нерешительности, но оружие не опустили; одна стрела целила ему в грудь, вторая – в спину. Что до кота и джинна, на них, похоже, тратить стрел не собирались. Хатуль мадан сидел в корзине и тщательно вылизывал лапы, а джинн, растопырив полы халата, гонялся за пестрыми бабочками.

На лицо эльфа вернулись краски жизни. Он махнул своим товарищам, и все трое плавно соскользнули с седел и преклонили колени. На мгновение они замерли у ног своих скакунов, гибкие фигурки в сверкающих доспехах, потом старший вытянул руки жестом мольбы.

– Прости, господин, мою дерзость и не таи обиды. Мы дозорные и не должны никого пропускать: ни людей, ни иных созданий, ни диких тварей с гор и лесов. Ты – другое дело. Ты исполнил обряд Первой Встречи, и в эльфийских землях тебе всегда рады. Приходи, когда пожелаешь! Ты гость владык нашего племени и будешь принят с почетом.

– Служба есть служба, так что я не обижаюсь, – молвил Клим. – Но когда с гор и лесов придут орки или нагрянут драконы, они не спросят разрешения и не испугаются ваших лучников. Если это случится, вспомните о нас и позовите.

Из-за деревьев выплыла колесница, запряженная двумя единорогами. Белоснежные создания ступали неторопливо, их шерсть переливалась и лоснилась, на головах, позади витых рогов, вздымались султаны из перьев, упряжь скрепляли золотые кольца. Вращались колеса, блестело полированное дерево, колыхался над сиденьем шелковый полог, но не было там ни возницы, ни поводыря. Кем был прислан этот чудесный экипаж? По чьему зову он явился и кто им управлял? Иных звуков, кроме птичьего щебета, до Клина не доносилось.

– Возок, достойный повелителя вселенной, – заметил Бахлул ибн Хурдак и приземлился на круп единорога. – Пожалуй в него, мой господин. Звери смирные, не лягутся, колеса не скрипят, сиденье обито бархатом и пахнет благовонной амброй. Нет урона для твоей чести проехать в таком возке.

– Я рад, что ты это проверил, – отозвался Клим и, подхватив сапоги и корзину с котом, взошел на колесницу. Следом забрался шут, тащивший мешок с провизией. Запасы у путников были не очень обширны – сухари, соленая рыба и большая баклажка с пивом, на тот случай, если придется пользоваться волшебным эликсиром. Словом, хороший ужин оказался бы очень кстати.

Единороги повернули в лес. Один дозорный ехал впереди, двое других – по бокам, в качестве почетной стражи. Выглядели они юнцами, но Клим не обманывался – им могло быть сорок лет, или сто, или двести. Век эльфов был долог.

Огромные деревья медленно уходили назад, их стволы оплетали лианы с яркими цветами, свежий ароматный воздух слегка кружил голову. Колесница двигалась неторопливо и плавно, покачивались султаны из перьев, звенели кольца упряжи, шелестела под колесами трава, а наверху, пронизанный светом вечернего солнца, раскинулся зеленый полог. Там, в густых кронах, протянулись от дерева к дереву дороги, проложенные по ветвям и подвесным мостикам, и прятались в листве беседки на резных столбах и ряды широких платформ с лестницами, башенками и перилами. Словно птичьи гнезда, подумал Клим, пытаюсь оценить размеры этих сооружений. Но до них было высоко, не меньше сотни метров.

Джинн перебрался к нему на плечо.

– Место, ласкающее взоры, мой господин. Но что доставляет пропитание жителям этого дивного края? В саду Эдема были фрукты и лоза, а здесь я вижу только желуди. Хотя, – он глубоко втянул воздух, – мне чудится запах сладкого меда.

– Желуди с медом как раз то, что надо, – с брезгливым видом пробормотал Црым, оттопырил губу и покосился на кота. – Но это не всем придется по вкусу.

– Желуди! – мяукнул хатуль мадан. – Невежество людское порражает! Да из этих желудей, сударрь мой...

– Я их есть не буду, – твердо молвил шут. – Я гном, а не хряк.

Деревья расступились, открыв огромную поляну. Она была так велика, что другой ее конец выглядел зеленой дымкой на фоне облаков и голубых небес. Тут и там маячили фруктовые рощицы, среди которых бродили пасущиеся единороги и крупные голенастые птицы в пышном оперении, в густой траве извивались тропинки, слышался пчелиный гул, и над каждым цветущим кустом кружил рой насекомых. Благодная картина, решил Клим, разглядывая высокую башню посреди поляны, накрытую остроконечным зеленым куполом. Башня приближалась, росла ввысь и вширь, бросала длинную тень на цветы и травы, и внезапно он понял, что это не искусственное сооружение, а дерево гигантской, чудовищной величины. Его ствол был больше королевского замка, кора походила на каменную стену, нижние ветви, мощные и прямые, тянулись на сотни шагов, верхние были подернуты облачным туманом. Не дерево, а целая гора!

– Чудесная обитель, – восхищенно прошептал джинн на плече Клима. – Думаю, ты, о солнце среди звезд, проведешь здесь ночь, полную наслаждений и удовольствий.

– Поужинав для начала желудями, – буркнул шут.

Но Клим их не слышал – другой голос звучал в его ушах, другие слова, другие речи...

«Наши чертоги – живые деревья, королевские дубы, огромные и вечно зеленые... в дупле любого из них поместится твой дворец, а на поляне под ним – вся твоя страна...»

Если Дезидерада и преувеличила, то совсем немного.

Колесница остановилась перед широкой аркой из золотистого полированного дерева. От нее в траву спускался пандус между перил на столбиках, изображавших цветы и стебли лилий, в глубине прохода сиял мягкий свет, слышались голоса, шелест одежд и звуки торопливых шагов. Миг – и стайка юных девушек, словно пестрые птицы, выпорхнула на поляну, наполнив ее смехом и щебетом. Следом шагал высокий стройный эльф в тунике, шитой серебром. За его плечами трепетали лиловый и сиреневый шарфы, в волосы были вплетены лазоревые ленты, стан охватывал чеканный пояс. Клим узнал его: дук Гундобальдо, эльфийский посол и спутник принцессы.

Дозорные сложили руки перед грудью и поклонились.

– Мы возвращаемся, господин, – промолвил старший. – Пусть солнце озаряет твой путь, а королевские дубы дарят отдых и прохладу.

Они исчезли за деревьями. Девушки окружили колесницу, и Клим улыбнулся, глядя в их светлые лица. На сей раз не было сомнений, что они очень молоды – все невысокие, тоненькие, с глазами, блестящими любопытством. Вероятно, они видели человека в первый раз.

– Вот и одалиски, владыка мироздания, – произнес с довольным видом джинн. – Похожи на девочек-плясуней, которых во дворце Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – было сотни две.

– Надеюсь, величество, они развлекут тебя не только танцами, – добавил скоморох. – А королеве я ничего не скажу. Клянусь киркой и лопатой!

– Молчи, охальник! – Клим строго покосился на шута, прыгнул с колесницы и направился к дуку Гундобальдо. Тот уже приседал в поклонах, прижимал к груди ладони, а вокруг него вились шарфы и ленты.

– Вира лахерис, государь! Счастлив взглянуть на твой лик и преклонить перед тобой колени! Ты победил дракона, и теперь в твоей державе и в наших землях воцарились мир

и покой. Руки твои крепки, клинок могуч, и весть о твоих деяниях прокатилась от Западного океана до Восточного! Ты...

– Не нужно так стараться, – прервал его Клим. – Я не Джеки Чан и не Брюс Ли, а всего лишь скромный король Хай Бории.

– Герои, названные тобой, мне неизвестны, но вряд ли они могут соперничать с твоим величеством, – произнес Гундобальдо, снова кланяясь и приседая. – Могу я узнать причину твоего визита? Долго ли ты пробудешь в наших лесах? Каких ты пожелаешь развлечений? Встретишься ли с нашими владыками? Разделишь ли с ними трапезу, выпьешь ли меда?

При упоминании меда Клим вздрогнул и сказал:

– В ваших краях, милорд, я проездом. Благодарю за гостеприимство, но мне хватит ужина, ночлега и воды, чтобы умыться. Утром я снова отправлюсь в путь. И я очень тороплюсь.

– Но принцесса... – начал Гундобальдо, поворачиваясь к входной арке.

Сзади раздался пронзительный кошачий вопль. Юная эльфийка – не девушка, хрупкая бледная девчушка с тонкими косичками – склонилась над корзиной и, кажется, хотела погладить кота. Может быть, взять его на руки, приласкать и посадить на травку.

– Ммняу! – рявкнул хатуль мадан. – Гррабли уберри, скелет малахольный! Крровь пущу! Зенки выцаррапаю!

Девчонка испуганно отшатнулась.

– Не трогай его, милая, – промолвил Клим. – Это говорящий кот, такой ученый, что забыл про вежливость. Зато ему нравится пугать детей.

– Спиногррызы! Черртово отрродье! – прошипел котяра, вытянул лапу с растопыренными когтями и захлопнул крышку над корзиной.

Гундобальдо не обратил внимания на этот эпизод, – наверное, говорящие коты или другие волшебные звери не были редкостью в Эльфийских Лесах. Правда, единороги и птицы, бродившие по огромной поляне, молчали, но кто знал, возможно, по природной своей деликатности, они не хотели мешать хозяевам или находились с ними в телепатической связи.

– Принцесса... – снова напомнил дук Гундобальдо.

– Что – принцесса? – спросил Клим, приподнимая бровь.

– Она желает тебя видеть. Это дерево – ее дом, один из многих в нашем лесу и не самый роскошный. Но ты здесь, и она велела приготовить пиршество в этой обители для тебя и твоих славных спутников. – Гундобальдо сложил ладони перед грудью. – Даже если ты спешишь, не отказывайся, государь. Вспомни, она была твоей гостьей. Теперь ты должен почтить ее жилище.

– Я не откажусь, не нанесу ей обиды, – сказал Клим. – Но пусть пир будет недолгим, ибо мне нужно отдохнуть перед завтрашней дорогой. Недолгим и не очень утомительным, без половецких плясок и танцев с саблями. Никакой волшебной музыки, никаких арфисток и флейтисток. – Он сделал шаг к входной арке, потом обернулся и добавил: – И никакого меда, милорд!

Павильон повис на высоте Останкинской телебашни, но Клим не сумел разглядеть ни земли, ни неба с первыми звездами – их скрывали завеса листвы и исходивший от нее теплый золотистый свет. Чертог на вершине огромного дерева был уютным и небольшим, гораздо меньше, чем зал в середине ствола, где накрыли трапезу для путников. Трое там и остались: джинн уснул у вазочки с вареньем, кот наслаждался сливками из молока единорога, а Црым не мог оторваться от блюда с тушеными грибами. Мяса животных и птиц эльфы не ели, считая это варварством, но грибы и орехи оказались вполне приемлемой заменой – как и желуди, которым эльфийская магия придавала вкус жаркого и аппетитный аромат.

Но здесь, в вышине, витали другие запахи, здесь пахло свежей листвой, напитком из ягод шиповника и чудным благоуханием женской кожи.

Будто в первый раз Клим разглядывал Дезидераду, вспоминал ее полузабытый облик, печалась и изумляясь, как удалось стереть из памяти такую красоту. Однако стер! Золотые локоны до плеч, алые губы, глаза зеленые, загадочные... Ушки как раковины из перламутра, шейка длинная, изящная, кожа что атлас, на щеках чуть заметный румянец и брови вразлет... Белая туника, белые шарфы и ленты – как в день, когда она явилась к нему во дворец... Зря, зря он ее увидел! И зря согласился на новую встречу! Снова забыть будет труднее...

Она отбросила с виска прядь золотистых волос.

– Вспоминаешь, мой король? Вспоминаешь и думаешь о несбывшемся?

– Время не повернуть, – сказал Клим. – Не сбылось одно, свершилось другое.

Дезидерада склонила головку.

– Верно. Ты нашел свою королеву, и она подарила тебе сына. Не эльфа, человека. Он будет твоим наследником, народ и знатные люди примут его, и никто не усомнится в его правах на трон. Если бы я... – в ее глазах блеснули слезы, – если бы я стала твоей избранницей, в Хай Бории был бы мятеж. Наследник с эльфийской кровью людям не нужен.

– Так я сказал тебе, когда мы встретились впервые, а потом расстались. И думаю, моя госпожа, мы поступили мудро.

– Слабое утешение! Но все же лучше, чем ничего. – Она вытерла глаза и улыбнулась. – Не будем говорить об этом. Я вижу, ты отправился в странствия. Куда и зачем? И почему ты так спешишь?

Клим обвел глазами уютный покой. Его убранство было скромным: пара диванов, обтянутых мерцающим шелком из паутины, и столик между ними. На диване могли поместиться двое. Сделать четыре шага, сесть рядом с нею, вдохнуть аромат ее кожи и волос...

Он подавил это желание.

– Ты слышала про Иундею? Про далекую страну, куда никто не знает дороги, кроме как по морю?

– Не знает сейчас, – промолвила Дезидерада. – Но в древние времена, в дни величия эльфийских царств, мои предки добирались до этой земли сухопутными дорогами. Там, на краю света, жили дикари, одни подобные людям, другие поросшие шерстью и с головами собак. Не очень приятное место – зной, дремучие леса и множество ядовитых гадов.

– Нынче это цивилизованная держава. И, по слухам, очень богатая.

Принцесса удивленно взмахнула ресницами.

– Тебе нужно золото, мой государь?

– Нет. Из Иундеи прибыл посол. Они нуждаются в помощи. Так что завтра я покину твой лес, натяну сапоги, посажу на спину Црыма и отправлюсь в обход эльфийских владений.

Глаза Дезидерады распахнулись еще шире.

– Но почему? Что случилось в этой стране?

Клим, вспоминая, уставился на полог листвы, сиявший мягким светом. Порыв ветра покачнул ветвь, и на мгновение ему явилось темное пятнышко неба с созвездием, похожим на Малую Медведицу. В этом мире его называли Бегущим Шерданом.

– Вот что сказал посланец их владыки: в один из дней раскрылись над Иундеей небеса, ринулась из них хвостатая звезда и упала на землю. В месте ее падения поднялось столбом огромное пламя, а когда стих огонь, вышли страшные твари, восьминогие, или подобные жукам и летучим мышам, или без обличья, подобные туману. И те чудовища стали пожирать людей и скот, жечь деревни и посевы, и любое оружие против них бессильно... Вот слова Ашрама Абары, посла Иоанна, их пресвитера.

Дезидерада задумчиво кивнула.

– Мы не видели эту звезду, только слабый свет за ночными облаками. Значит, она упала в Иундее и принесла зло... Но это такой далекий край! Далекий от Хай Бории, от Огнедышащих гор и Эльфийских Лесов. Что тебе в этой земле? Что в ее бедах и страдании? У тебя есть свое королевство, есть супруга и дитя, есть твой народ. Зачем отправился в Иундею? Без войска, в компании джинна, кота и скомороха?

– Они нуждаются в помощи, моя госпожа, – упрямо повторил Клим. – И думаю, только я в этом мире могу разобраться, что у них произошло. До того как появиться в Хай Бории, в прежней своей жизни я кое-что слышал о звездах, падающих с небес и порождающих пламя. Правда, из их огня никакие твари не вылезали, зато земля становилась мертвой.

Долго, долго Дезидерада в молчании смотрела на него, и казалось, что в ее прекрасных зеленых глазах мелькает отблеск какого-то чувства. Удивление? Понимание? Жалость или любовь? Клим не знал и не пытался догадаться.

Наконец она промолвила:

– Могу я что-то сделать для тебя? Посоветовать или дать то, в чем ты нуждаешься?

– Можешь, если тебе известно о краях, что лежат за вашими лесами. Говорили мне, что там дикая чаща, буреломы да трясины, волки да медведи, и бродят в тех чащобах странные создания не от мира сего – наверное, проклятые Благим Господом. Ведьмы, лешие, русалки... Правда ли это?

– Правда в том, что ваш Господь никого не проклинал, иначе не был бы благим, – сказала Дезидерада. – Но за нашими лесами в самом деле есть странные создания. Иные злобны, иные к людям безразличны, иные любят над ними подшутить. И есть над всеми главный – Лесной Хозяин. Искать его и просить о помощи не стоит, ибо является он сам, и хоть запах крови ему неприятен, в гневе может убить или измыслить другую страшную кару.

– Ясно, – отозвался Клим. – Закон тайга, медведь прокурор... Ну, в моих сапогах нас никто не поймает, а ночь-другую как-нибудь перекантуемся и обид Хозяину не причиним. Но если найдется у тебя оберег от этого чуда-юда, не откажусь.

– Нет таких амулетов и талисманов, – с грустью сообщила принцесса. – Здесь, в наших лесах, мы всемогущи, а Хозяин – господин в своей земле. И лучше тебе с ним не встречаться.

– Это уж как выйдет. – Клим нащупал за пазухой склянку с эликсиром силы, вздохнул и поинтересовался: – Говорил мне кот-баюн про камень с надписью, что стоит за эльфийским пределом – думаю, где-то на востоке. Будто бы у него все дороги и кончаются. Знаешь ли ты об этом? И верно ли, что куда от камня ни пойдешь, жди изрядных неприятностей?

Дезидерада вдруг рассмеялась. Смех ее был звонким, словно арфист коснулся серебряных струн; сверкнули белые зубки, на щеках появились ямочки, взметнулась прядь волос.

– Твой кот-баюн большой шутник! Верно, есть такой камень, и к нему ведет тропа, что тянется между лесом и горным хребтом. Старая тропа, почти заросшая травой, но мои дозорные тебе ее покажут. Только...

– Только? – спросил Клим, приподнимая брови.

– Надпись на камне очень забавная, мой повелитель. Высекли ее беглецы из твоей страны, чтобы никто за ними не гнался, и случилось это так давно, что мой прадед король Джельсомино, прозванный Многоумным, был совсем еще юношей. Нет в тех словах ни смысла, ни угрозы, и можешь ты идти в любую сторону и не ждать беды. Были люди, что прошли за камень прежде, и будут те, что пройдут после тебя.

– Хм... вот как... И куда же они подевались, моя прекрасная госпожа?

Принцесса, снова став серьезной, повела плечиком.

– Не знаю, государь. Может быть, ушли на юг, в Иундею, или в северный гиперборейский край, а может, отправились к Восточному океану и Тридевятиному царству. Кто ведает? Но кости многих остались в чаще у Лесного Хозяина и лежат там, обглоданные волками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.